

СМЕНА

2

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сергей Гурзо. Кадр из кинофильма «Смелые люди».

ТВОИ
товарищи

СЕРГЕЙ ГУРЗО

КИНОАКТЕР

Апрельским полднем 1950 года перед государственной экзаменационной комиссией стоял Сергей Гурзо — черноволосый молодой человек с медалью лауреата Сталинской премии. Он защищал диплом.

В переполненном зале потяг свет и на экране появилась Сергей Тюленин.

Ещё студентом третьего курса дипломант Гурзо сыграл в киноромане «Молодая гвардия» роль Сергея Тюленина, и с тех пор нет в нашей стране уголка, где бы не знали талантливого молодого артиста, который сумел так правдиво донести образ бесстрашного героя «Молодой гвардии».

Дипломант рассказывал экзаменаторам, как он работал над образом Сергея Тюленина. Перед слушателями встали Крестовод, шахтёрский домик Тюленниных, где актёр жил с семьёй героя, с которой он породнился, отец и мать Тюленниных, называвшие его сыном.

Защита диплома продолжалась. Теперь на экране возник молодой пареньёк в кубанке и с лошады по кличке Буй. Звали паренёка Вася Говорушкин. Никто в зале и за столом комиссии ещё не был с ним знаком. Комсомолец Вася Говору-

шкин — отважный конник из фильма «Смелые люди». Это была вторая работа киноартиста-комсомольца Сергея Гурзо.

Третьей его работой была роль молодого конструктора Пети Гудкина в фильме «Далеко от Москвы».

..В те дни, когда где-то далеко от Москвы в действительности строили нефтепровод, Сергей Гурзо было шестнадцать лет и он уходил добровольцем на фронт. Отнесённый по специальности, он три года находился в самом огне боя и был не раз ранен.

Искусным конником он стал уже после войны, когда снимался в «Смелых людях». Но вот недавно ему понадобилось овладеть и морским делом.

Прошлым летом на многих кораблях матросы встречали молодого артиста. Он ходил с ними в походы, опускался на подводных лодках в морские глубины, исправно нес вахту.

..Подводная лодка «ПК-8» в учебном походе наскачила на мину, которую поставили в нашем фарватере диверсанты одного иностранного государства. Лодка получила повреждение и легла на грунт. Заливает отсеки. Люди по пояс в воде. Оборван телефонный буй, и нет связи с базой. Подводники пытаются пластырем заделать пробойну. Это долго не удаётся. Люди задыхаются: им не хватает воздуха.

В десять утра прозвучал голос командира:

— Первый отсек... Паньчук! Молодым подводникам Паньчуку и его друзьям торпедисту Гриневскому и трюмному Месхешвили приказано было покинуть лодку и выбраться наружу через торпедные аппараты.

Комсомолец Паньчук просит командира отправить вместо него мичмана, у которого жена и дети. Происходит волнующая сцена прощания матросов...

В это время раздаются удары колокола и... медленно гаснут вытееры. Только тогда вспоминаешь, что ты находишься в навальоне киностудии, посреди которого высится макет подводной лодки «ПК-8».

И вот по узкому отсеку в обнимку с Гриневским и Месхешвили проходит Павел Паньчук. Всмотревшись в мужественные лица этих молодых моряков, мы узнаём в них трёх боевых друзей из киноромана «Молодая гвардия» — Володю Осмухию, Жору Арutyняцкую и Сергея Тюленина.

...

Начавшийся год будет двадцатым годом жизни Сергея Гурзо. Молодой артист приходит в него вместе со своим новым другом Павлом Паньчуком, который скоро появится на экранах в картине «Мирные дни». Приходит с мечтой о новых друзьях, которых хочется изобразить так ярко, как ярко живут они в нашу сталинскую эпоху.

И. ТЕЛЬМАН

ТВОИ
товарищи

Урожайница села «троя», соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь. № 2. 1951 год.

Год
издания
28-й

С живым интересом слушают молодые избиратели села Мзичкова, Коломенского района, Московской области, рассказ своего агитатора комсомоли Любы Сохарева о великой стройке коммунизма — канале Волга — Дон.

Фото М. Ганкина.

Вступление

Я сошёл в Сталинграде,
На набережной стою.
Это я биографию
Начинаю свою.

Здесь начало,
Направление главное,
Волгогэса огни.
Сталинград — город славы.
Горячие, трудные дни.

Уж такое мы поколение,
В таком нас настали саду;
Причины походы, амплены
Войны

нас к труду.

Нам в затишье не место,
Нам —
рваться вперёд.
Беспокойство с новой повесткой
К нам на дом идёт.

Я сошёл в Сталинграде...
Чемодан свой поставил у ног,
Выбираю пути.
Кто б сказал мне,
кто бы помог,
В каком направлении идти?

На развилке дорог,
словно в сказке,
Остающийся в сомнении:
Направо —
к Октябрьской,
Налево —
улица Ленина.
Бомокурят дзевушка
Осмотрела разнужу
И ушла за развалины
В утро синее-синее.
Взгля и свой чемодан браво,
Кашлянула басом густым.
Коридор из развалин направо,
Налево —
довоенных акаций кусты.
Вот он, город.

Иди и смотри.
Всё глазам своим молча доверь.
Если сабзы,—
сотри,

Если больно, —
сердце проверь.

Здесь вот,
в этих завалах,
Дворец пионеров.
Смотрит в улитку зала
Стены экраном серым.
Приезжий, прохожий,
встанем!
Здесь нас до войны растили.
Такое прекрасное здание
Бомбой убила.
Жаль — не со мною мои друзья,
Один я.
Погреться
В работе мезалья.

Саунай, мизаль дворец!
Калинусь
у развалин у всех на виду:

Жди!
И дальше пошёл Сталинградом.
С комсомольцами завтра придут,
С молодёжной бригадой!
Так иду я, Василий Козлов,
Комсомолец, волжанин.
Дальше, к центру,
без слов
Меня дом провожат.

Каждым домом, что разрушен,
грустит.

Я в поход с тобою вышел,
Сталинград,
мне силм утрой.
Разве там, за границей, в Париже,
Твоим именем не называют метро?
Сталинград!

Твое имя звучит повсюду:
Во Вьетнаме, Кореи,
по тропам гаушим,
И поёт тебе славу Пабло Неруду,
За Атлантикой, в Чили, слагая стихи.
Да, тобою горятелы,
Все люди мира с тобой,
Вновь идут сталинградцы
На труд, как на бой.
Город будет! Я вижу: из камня груд
Пробиваются улицы, растут дома,
И идёт уверенно через труд
Жизнь сама!

Дым над домами тает,
Веет развалин печаль,
Но стрелой пролетает

Новая улица вдале.
Раззвенелась трамваям,
Ковровой машины идут.
В небо головы поднимают
Дом Рефшюта.

Неизвеститут.
Здесь проспект скоро ляжет.
А это — плещет —
Встал над городом

стражем
С мечом
сталинградце-чекист.
Универмаг этажам
Над площадью весь в лесах,
Останавливаются горожане —
гордость в глазах.
Голову подина,

подъём крут.
Прочитать про Паулоа интересно..
— Сторонитесь, товарищ!

Видите, идут
Черкасовны на воскресник!
Апошты винтовками над собой —
Идут со всех сторон.
Так ополчением шли они в бой
Когда-то, в сорок втором.
Иду я дальше,

ветер-задира
Пилотку снимает, бьёт в лицо.
Иду я туда, где улица Микра
Вливается в площадь.
Павших борцов.
В белом кипенье вьных акаций
Проступаея она — воплощённый мир.
И мирные улицы, сталинградцы,
Выходят в рассвет

из мирных квартир.
Прокричат они по улицам главным.
Простынаея утро
труда, забот...

Вот он,
город народной славы,
Передавая большуя работ!
Вот он
встаёт,
разростаясь садом,
Светлыми окнами
в коммунизм!

Вступление моё на рокзал Сталинграда,
Будь же моим вступлением в жизнь!
г. Сталинград

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...

Георгий ГУЛИА

Союзные и автономные республики, составляющие могучий Советский Союз, готовятся к выборам в свои Верховные Советы — подлинно народные органы власти. По всей стране развернулась деятельная подготовка: названы имена кандидатов в депутаты, тысячи и тысячи агитаторов являются желанными гостями избирателей, народ отмечает предстоящие выборы новыми производственными успехами. Мы идём навстречу выборам, уверенные в своей мощи, высоко неся знамя дружбы и братства народов, знамя борьбы за мир во всём мире.

Выборы в местные Советы, прошедшие недавно, продемонстрировали высокую организованность и сплочённость советского народа. Блок коммунистов и беспартийных был и остаётся нерушимым и могучим. Сила этого блока состоит в том, что душою его является великая партия Ленина — Сталина, пользующаяся в народе безграничным доверием. Это доверие законное: партия в более чем полувековой борьбе за народное счастье. Партия никогда не жалела и не жалует своих сил во имя интересов трудящихся. Ведомая гениями Лениным и Сталиным, она является верным руководителем советского народа, вдохновителем всех его побед. Вот почему блок коммунистов и беспартийных непобедим. Он, этот блок, несомненно, одержит новую победу и на выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик.

Почему советские люди с таким единодушием отдадут свои голоса народным кандидатам в депутаты!

Потому, что наши люди знают, что советская власть — это их родная власть, потому, что она, эта власть, делает всё для того, чтобы ещё лучше, ещё краше жилось советскому человеку, потому, что целиком и полностью можно положиться на эту власть.

Гигантские достижения имеет наша Родина. Возьмите любую республику, любой край, любой район — и вы увидите эти достижения. Достаточно посмотреть вокруг, чтобы оценить ту грандиозную созидательную работу, которую провёл народ под руководством нашей партии.

Тундра на севере — это не прерия, старая тундра, где царил голод и нищета, где население было поголовно неграмотным. Песчаные пустыни ныне не те, что были когда-то, где господствовали жуха да темнота. Горы теперь тоже не те, что были когда-то: здесь развивают свою сеть горные гидроэлектростанции, школы лепятся к скалам, сюда регулярно приходят газеты. И степи наши стали иными: здесь идёт титаническая борьба с безводием и суховеями, и молодые леса покрывают землю. Советский человек переделывает природу, приспособляет её к своим нуждам, заставляет её служить себе. Село, насыщенное машинами, село высокой культуры и большого материального достатка, село, не зависящее от природных условий, — таким будет советское село в самое ближайшее время. Таких сёл у нас уже немало, к этому идёт вся советская деревня.

Наши города меняют свой облик. С каждым годом они всё больше и больше благоустроятся. Пример подёт Москва. Сталинский план

реконструкции Москвы — это замечательный план, осуществление которого по плечу только могучему советскому народу. За последние послевоенные годы выросли новые благоустроенные кварталы, которых не было в прошлые годы в Верхние Советы республик.

Выражение «идея растет», словно говоря применительно не только к нашей Москве, но и ко всем городам Советского Союза.

Рост городов, их красота и величие тесно связаны с ростом всей страны — великой индустриальной державы. Успешное выполнение пятилетнего плана создаст новые условия для дальнейшего роста нашей Родины. Благодаря беспрецедентным послевоенным успехам стало возможным строительство новых гигантов, которые ещё больше приблизят нас к коммунизму.

Грядущие Туркмены, например, встретят выборы в свой верховный орган власти разворотом работ на Главном Туркменском канале. И этот канал будут строить не только туркмены: его строит вся страна. Каховскую гидроэлектростанцию также строит вся страна, Крымский канал будет гордиться весь советский народ. Гидроэлектростанции на Волге являются кровным делом всех народов, населяющих нашу великую Родину. Сооружение Волго-Донского канала одинаково радует и сибирика, и украинца, и казака, и волжанина.

Значит, есть нечто чудесное общее, что объединяет всех советских людей: это — их стремление к коммунизму, дружба народов, которую называют у нас сталинской.

Советский человек — это новый человек; таких людей ещё не знала история. Дело, разумеется, не в каких-то особых физических качествах его. Речь идёт о качествах духовных, качествах, необычайно мощных, позволяющих человеку творить подлинные чудеса.

Если проследить путь советского человека от первых дней Великой Октябрьской социалистической революции до нашего времени, то первое, что бросится в глаза, — героизм и необозримое величие этого пути. Советский человек преодолел целый ряд таких трудностей, которые по прежним меркам и понятиям казались бы непреодолимыми. Достаточно назвать две из них: войну гражданскую, интервенцию, когда на нашу страну ринулись 14 государств-интервентов, и Великую Отечественную войну. На нашем славном пути мы добились величайших исторических побед: это победа в гражданской войне, победа в индустриализации и коллективизации страны, победа в Великой Отечественной войне. И если мы сегодня крепче, чем кто-либо, то это потому, что нами руководит великий Сталин, потому, что мы идём вперёд по ленинскому пути, потому, что с каждым днём крепнет сталинская дружба народов.

Как известно, Великая Отечественная война была не только великим испытанием прочности, непоколебимости советского строя, но и великой проверкой жизнеспособности сталинской дружбы народов. Расчёты гитлеровцев на то, что между народами Советского Союза вспыхнет национальная рознь, потерпели полный крах. Весь мир окончательно убедился в непоколебимости дружбы народов, душой и знаменосцем которой является партия Ленина — Сталина.

И сейчас, в дни мира, знает, здравствует и ширится сталинская дружба народов. Пример нашего государства, где идеально разрешен национальный вопрос, вдохновляет на освободительную борьбу другие народы, все ещё кляпящиеся под игмом капитализма. Национальная рознь была и остаётся проклятием буржуазного общества, всех капиталистических государств.

Сталинская дружба народов предполагает братскую взаимопомощь всех трудящихся, общность их цели в борьбе за светлое будущее всего человечества. Сталинская дружба народов учитывает все интересы — культурные и хозяйственные — отдельных народов, особенно отсталых. Учёт этих интересов и братская помощь в социалистическом строительстве составляют одну из главных черт сталинской дружбы народов, направленной на расцвет как отдельных республик, так и в целом всего могучего социалистического Советского Союза.

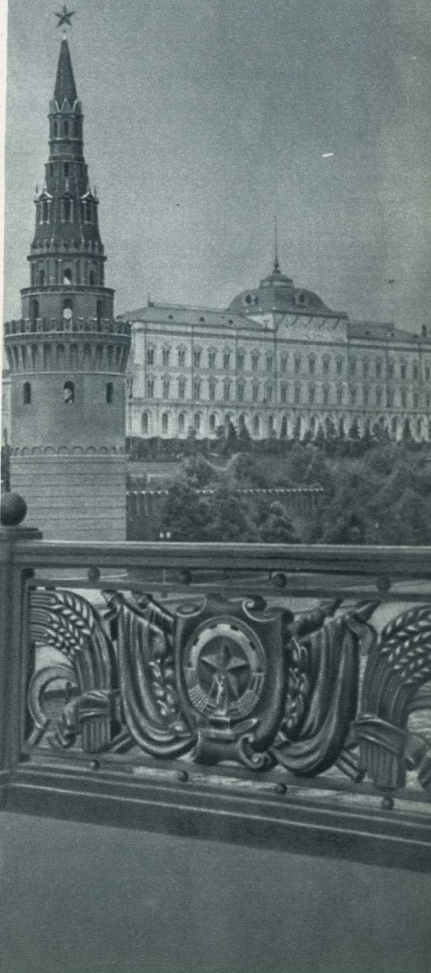
Наша молодёжь не знает ужасов капиталистического общества. Но мы можем наблюдать эти ужасы на примере любой капиталистической страны. Возьмём Соединённые Штаты Америки. Известно, что в этой империалистической стране царит жуткая эксплуатация человека человеком. Известно, что там, кроме того, существует бесостовное расовое угнетение. Миллионы негров лишены элементарных человеческих прав и подвергаются гонению и издевательствам со стороны правящих классов. Индейцы, исконные жители этой страны, сгоняются с насиженных мест и гибнут от холода и голода. И после всего этого трузны и вчерашние смеют болтать о «свободе народов»!

Наша молодёжь — счастливая молодёжь. Она активно участвует в подготовке к выборам в Верховные Советы. Многие представители молодёжи выдвинуты кандидатами в депутаты. Наша многонациональная молодёжь живёт такой же полнокровной творческой жизнью, как и весь советский народ.

Советский Союз, новый Китай, страны народной демократии показывают примеры разрешения национальных проблем. Жизнь учит, что только в том государстве, где власть принадлежит народу, возможно правильное решение национального вопроса, только там процветает и крепнет дружба народов.

Наша славная столица Москва, где живёт и работает великий вождь и учитель товарищ Сталин, является глыбистом дружбы и братства народов. Вот за это мы, советские люди, особенно признательны Москве и любим её ещё большей любовью.

В эти дни кипучей подготовки к выборам в Верховные Советы республики все наши люди с горячей любовью обращают свои взоры к товарищу Сталину — Другу и соратнику великого Ленина, другу и вождю народа. И советские люди первым своим кандидатом назвали великого Сталина. Они с огромной радостью будут голосовать за первого всенародного кандидата. Голосовать за Сталина — значит голосовать за наши дальнейшие успехи и победы. Голосовать за Сталина — это значит голосовать за счастливую жизнь, за мир между народами во всём мире, за процветание нашей любимой Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

НАМ ДАЛЬШЕ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

В эти дни комсорг Тоня Малагина всё чаще думала о судьбе стройки. Десять лет изо дня в день строители поднимали завод — сначала первую очередь, затем вторую, третью. Вместе с заводом, здесь, на севере Урала, посреди зелёного моря древней тайги, на берегу Ясной, небольшой, но быстрой горной речушки, вырос новый город — Ясногорск. Город с высокими домами, широкими улицами, просторной площадью, с парком.

Правда, города ещё не найдёшь на карте, да что поделаешь, карты не поспевают за жизнью!

Строительство подходит к концу. А через Ясногорск, далеко на север, одна за другой уже идут геологические партии, и всем известно: в ста пятидесяти километрах от Ясногорска, на реке Лосье, найдены богатейшие месторождения. Все уже знают, что там в скором времени начнётся строительство ещё большего, чем ясногорского; недавно туда направилась группа рабочих пробивать трассу к месторождению. В Ясногорске много разговоров о новой стройке. «С третьей очереди рассчитываем — податься на Лосью...» Так рассуждают каменишки и бетонщики, плотники и арматурщики, электросварщики и штукатуры. Так думала и Тоня, хотя никому пока не говорила об этом, даже матери.

Она обрадовалась, но тут же вспомнила о трудностях на последнем этапе ясногорского строительства. Одна из этих трудностей заключалась в отставании тыла. Кирпичный завод не мог дать столько кирпича, сколько требовали каменишки, выполнявшие по три — четыре нормы за смену.

Нужно было немедленно устанавливать на кирпичном заводе новых три прессы. Но где взять рабочих?

У Тони появились мысли: сколотить комсомольскую добровольческую бригаду лесарей. Молодёжь механического завода взялась провести монтаж после рабочего дня, в две смены по четыре часа...

С тех пор, как добровольцы приступили к работе, Тоня всё ночи проводила на кирпичном заводе. Неполночас оказалось больше, чем можно было ожидать.

Вчера вечером она пришла домой, пообедала и хотела было ехать на кирпичный завод, но почувствовала такую усталость, что насилие довелось до кушетки.

— Ох, разнежилась, вы, товарищ комсорг, — говорила она себе. — Безобразно. Бить вас некому!

— Прилг, Тонечка, — говорила мать. — Посмотри, даже с лица спала...

Тоня решила прилечь, попросила мать непременно разбудить её через часика, если она уснёт. Мать сидела с ней туфли, накрыва тёплой шалью, но будить пока не хотела, и Тоня проспала так до утра.

Утром, придя на работу, она узнала, что добровольцы простояли почти полсмены: опять недоразумение с инструментом, потом что-то с электроэнергией... В третьем часу ночи, возвращаясь из конторы, Дмитрий Алексеевич Голубков, партгор ЦК, заехал на завод, поднял на ноги директора, технорука и минут двадцать «подогревал» их...

Днём Голубков вызвал Тоню.

— Извлекай урок, Антонина Петровна, — сказал он спокойно. — Самую замечательную идею можно исказить, если осуществлять её как полагало... заметил он, глядя про себя.

Она сказала партгору, что три ночи не уходила с кирпичного завода, что работа шла вовсе не «как полагало», и, краснея, призналась, почему она вчера там не была...

Голубков усмехнулся.

Она помолчала, потом сказала с досадой, которую не могла и не хотела сдержать:

— Я, Дмитрий Алексеевич, отлично сознаю, что я ещё слабый, очень слабый руководитель, просто даже никакой...

Голубков снова усмехнулся, мохнатые брови его взлетели, тёмносерые глубокие складки глядели на Тоню с восторженным вниманием.

— А ведь не то стараясь доказать, — наделенно сказала партгор, — совсем не то. Рассуди сама, Антонина Петровна: целый день ты на стройке, на участках, заводишь учеба, а ночью — кирпичный завод. Этак нашего комсорга хватят не надолго, и завидная молодость не выкрутит...

— Мне мамка каждый день твердит примерно то же самое, — не без иронии заметила Тоня.

— Правильно твердит. Матерей надо слушать. Я хотел совет дать. Одна всего не переделалась, всюду не поспеешь. Собери комитет, выдели ответственных дежурных по кирпичному заводу, от парткома тоже назначи, и дела, я думаю, совсем иначе пойдут. Как ты считаешь, Антонина Петровна?

— Вот видите, Дмитрий Алексеевич, — воскликнула Тоня, — какой же из меня руководитель! Простая вещь, а не додумалась...

Вечером Тоня поняла, что неприятный осадок всё-таки остался от того, что бригада по её вине потеряла столько времени, что партгор смог приехать ночью на завод, а она спокойно спала, наконец, что вместе дежурства предложила не она, а Голубков... С этим настроением

она и собралась домой, чтобы затем отправиться на завод, посмотреть, что успели сделать, и помочь первому журнальному.

Выйдя на крыльцо, Тоня сразу увидела Дудина. Бригадир каменишек. Она сбегала со ступенек, подошла к нему лёгкими частыми шапками.

— Алёша! Что вы тут делаете, молодой человек! — спросила она своей обычной скороговоркой.

Дудин находившись в состоянии, когда бывает во сне: хочешь бежать, а ноги не действуют, будто их вовсе нет у тебя. Он вынул из карманов руни и стал рассматривать их с таким интересом, точно это были не его руни.

— Ничего не делаю, — сказал он, — Так... гуляю...

— Завидую! — воскликнула Тоня. — Давно уже так не гуляла. А школа...

— Сегодня у нас свободный день. А вы, верно, в кино? — спросил он несмело.

— Не тут-то было, — ответила Тоня быстро. — Работы, работы — непочатый край...

Её вдруг осенила какая-то мысль, и Тоня изумлённо посмотрела на Алёшу:

— В кино сбегалась? А почему без друзей? Ах, тоже не идёшь! Ну, тогда проводи меня, я тороплюсь... — она засмеялась. — Будешь знать, как бродяжничать без цели...

Они пошли и долго молчали.

Тоня не могла посмотреть на Дудина и тактилась молчаливым. Сегодня она была на его участке, говорила с Алёшей, и теперь не спросила: как жизни? Что на работе?

А Дудину это молчанье помогло успокоиться после неожиданной встречи. Он виделся с Тоней, когда она приходила в его бригаду на лес нового жилого дома или когда он являлся в комитет, но вот так, раз-дачком, почти локоть к локтю, шёл с нею в первый раз. Правда, он надежды во сне он шёл с Тоней по какой-то большой незнакомой площадке точно так же, как сейчас.

Но теперь был не сон. Вот она, совсем близко; на рыженьком воротнике и в золотистых волосах, вышедших из-под шляпки, играют сияние. И вдруг он задёлся от своей полевой сумкой и извинялся. Есть из-за чего извиняться! Пожалуйста, задавай сколько угодно... Но Тоня берёт сумку в другую руку...

Алёша замечает, что он одного роста с Тоней, — это хорошо! Потом обращает внимание на походку и находит, что тонина походки — механическая, шагает она — онемен, поспешно из-за скороговорки. Он чуть не рассмеялся, но в это время Тоня обернулась к нему.

— Ну-ка, мил-друг, докладывай, почему ты такой затуманившийся... И вдруг Алёша всё вспомнил, помрачнел.

— Может, личное что-то, тогда не настаиваю...

— Как тебе сказать... и личное и всякое — всё вместе. На работе неладит...

— Случилось что-нибудь? — успокоилась Тоня.

— В том-то и беда, что ничего не случилось, — грустно улыбнулся Алёша.

— Ты говорил бы ясное, — сказала она с тревожным нетерпением. — Я вроде ясно высказывалась: по работе ничего нового нет, всё, значит, по старинке...

— Чем же ты недоволен? Задания выполняете, твоё бригаду на хорошем счету... Чего тебе ещё?

— Счёт разный выдают... Люди вон по четыре нормы дают — это счёт, я понимаю! А мы! — Он замолчал и утробно махнул рукой. — Вон как в газете: «Четыре нормы за смену! Новый рекорд каменишников!»

— Да, сегодня на стройке хороший день, — сказала Тоня. — Порадовали нас ваши мастера.

— Мы тоже порадовались, — печально признался Дудин. — Хотелось, конечно, чтоб и за нас порадовались немного, да не выходит...

Вдоль улицы бежала в гору цепочка жёлтых огней. Снег всё ещё падал, и дальние огни мерцали, как звёзды. Тоня застопорилась на них, как вдруг из-за угла, полосуя белым кинжалным лучом, вынеслась грузовая машина с одной зажжённой фарой.

Тоня схватила Дудина за рукав повыше локтя, с силой оттащила, и они в два прыжка очутились на тротуаре.

— Вот как опасно останавливаться! — сказала она, часто дыша, и засмеялась, не выпуская его руки. А он боялся пошевелить пальцами, чтобы не спугнуть тонну руку.

Мысль, которую высказал Дудин, заставила Тоню расхопнуть. Как могло случиться, что она совсем не удивлялась над этим? Она являлась на участок, говорила с людьми, и ей казалось, что она всё видит, всё знает...

Она навещала дудинцев чуть ли не каждый день. Но так было до тех пор, пока они отставали. Когда же бригада «выровнялась», она стала бывать у них реже и реже думала о них.

Она тревожились и хлопотала об отстающих, горевала об их неудачах, радовалась успехам передовиков, помогала обобщать и распространять их опыт. И за хлопотами те её внимания ускользали те, кто уже вышел из отставших, но ещё не пришёл к передовикам. Такой была бригада Алёшину Дудина, таких было десятки бригад на строительстве. Что и говорить, дальновидный комсомольский руководитель — главной-то силы не приметил!..

«Известная, Антонина Петровна, ещё один урок», — сказала она себе словами Голубкова и представила, как завтра расскажет обо всём парт-у. Он будет слушать её со спокойным вниманием, поглаживая бри-ту голову, потом улыбнётся и, наверное, скажет: «Это и есть, Антони-на Петровна, учёба у народа, у масс... Очень полезный вид образо-вания...»

Ну, что ж, спасибо тебе, товарищ Дудин! Слава богу, у народа खा-тает ума, есть чем поделиться, иначе таким руководителям пришлось бы туго...

А Дудин думал о последних словах Тони, хотя они, как ему каза-лось, и были сказаны по другому поводу и к нему не относились. Да, не этого он ждал от комсорга, от Тони. А она не нашла, что ему ка-заться. Может, в эту минуту она уже думает о чём-то другом. Никогда прежде он не видел её такой озабоченной и задумчивой.

Дудин решил: если Тоня не заговорит до утра, он подает ей руку: будьте здоровы, товарищ Малигина! — и больше она никогда ничего от него не услышит.

Когда они приближались к углу и Алёша невольно замедлил шаг, давая тем самым Тоне отсрочку, она спросила:

— Чем же ты объясняешь эту остановку?

Конечно же, всё это время она думала о нём, только о нём!

Объяснение простое, — сказал Дудин без запинки, точно у него давно было приготовлен ответ. — Не гонусь я, издать в бригадире.

Она громко рассмеялась и, тотчас спохватившись, заслонилась рукой в шерстяной варежке.

— Как тебе удалось сделать такое открытие! Ох, какой ты, честное слово!

Сосем по-детски надув губы, Алёша сказал с упреком:

— По-моему, тут ничего смешного нет, товарищ Малигина.

За глаза он никогда не называл её по фамилии. Он называл её про-сто Тоня, а иногда и нежнее. И сейчас он не обратился бы к ней так, если бы в этот смех, неожиданный и обидный...

— Ты не сдерживай, Алёшенька, — сказала она так ласково, что у него в сердце дрогнуло. — Послушай, что я тебе скажу, но условие — не сдер-живай. Договорились? Вот что я скажу. Помини, было время, того вре-мя бригада средне работала — когда выполнит план, когда и не вы-полнит... Этакая, знаешь, младенческая походка: два шага сделал — и шибнулся. Потом подросли, пошли твёрдо, план из месяца в месяц, немалых случностей, всё отнюдь. Верно я говорю? И на радостях маленько притили, успокоились.

— Не замечал, что бы успокаивались, — ревниво возразил Дудин, в душе понимая, что Тоня была права.

— А ты замечал, когда стоишь на платформе, а мимо идёшь поезд, — тебе кажется, что движешься? Замечал! Так бывает, Алёшенька, и в жизни. Человек стоит на месте, а мимо проходит люди, события, жи-знь идёт мимо, и человеку кажется, что он не стоит, а тоже движется ку-да-то... Это, конечно, наклонилась к нему и добавила шепотом, будто по секрету: — Замечались вы чуточки, факт. И вместе с вами, за компанию, замечались ваши комсорги... Да, да! — сказала Тоня, поймав вопроситель-ный взгляд Алёши. — Ваши комсорги, знакомая тебе товарищ Малигина...

— Ну, это ты зря на себя берёшь... — проговорил Дудин, поражен-ный таким оборотом разговора и ещё не совсем веря в искренность тонинских слов.

— Нет, нет, Алёшенька, утешать меня не нужно. Хороший комсорг даёт расторможенность, а не застревает на точке замерзания. Факт!

Дудин больше не сомневался: Тоня говорила правду, оттого, что она так примудро говорила с ним и что у них даже была общая ва-ра, Тоня вдруг делалась ему понятнее, ближе. Переполненный этими чувствами, он не мог выговорить ни слова.

А время шло очень строго, Алёша, — продолжала она. — Остановился на минутку — и уж и так трудно, ой, как трудно!..

— Нелегко, — согласился Дудин. — И если б сам отстал, а то ведь бригаду, людей подвёл. На одной норме слово не сдерживать...

— Не сдержим слово — всю стройку подведём, — сказала Тоня.

— Так и есть, всю стройку, — мрачно подтвердил Дудин, с удовле-творением отбросив от себя, что Тоня говорила так, будто и она была членом его бригады.

— Знаешь, я вспомнила сейчас слова Сергея Мироновича Кирова. Он говорил: если ты дал слово, расписался в лепёшку, но исполнил! А комсомолец Дудин ещё ничего не исполнил и уже свдётся...

— Не сдержим слово — всю стройку подведём, — сказала Тоня, а он вовсе не примирился и не сдвёлся.

— Как же не сдвёшься! — вспыхнула она. — В бригадире не гонусь, стройку подведём... Подумаешь, какая мудрость — сложить оружие. Это любой дурак сумеет. Я вот сделала ошибку, большую ошибку, что же ты думаешь, званику, званю: не гонусь в комсорги, освободите, товарищи, и так далее! Штунги, брат! В лепёшку расписываю, а буду та-кого комсоргом, что днём с огнём такого не сыщешь! Да, да, не улы-байся, пожалуйста, буду...

Впереди показался большой белый дом с колоннами, в котором жила Тоня, и Дудин подумал с досадой: «Сейчас перестанет прорабатывать, закончит домом...»

А Тоня опять заговорила, участливо, тихо, ему показалось, что она размышляет вслух:

— Не пойму, почему ты так силен? Неужели не сможете дунуться дальше? Неужели, думаешь, порою не хватит, а?

Рисунок А. Лурье.

Ну что ж, спасибо тебе, товарищ Дудин!

— Я так не думаю, — ответил Алёша и подумал: «Хитрит, ловит на слове...»

— Хорош! — воскликнула она. — А что думает бригада! Ты совето-вался со своим народом!

Дудин не отвечал. Что он мог ей сказать! Что он действительно рас-терлся, смалодушничал и не только не поговорил с бригадой, а по-просту сбежал! Пошёл бродить по городу!.. Эх!..

Всё ясно без слов, — сказала Тоня. — А как должен был поспугать руководителя бригады! Он должен был собрать народ, посидеть, поду-мать, посоветоваться с людьми... Только инстинктивный руко-водитель считает, что он сам всюду успеет, сам всё сделает. Чужой! Можешь мне поверить: убедилась на опыте, как говорится, на соб-ственной шкуре...

Тоня опять взяла его за руку, и они стали прохаживаться около её дома.

— В общем я спокойна за тебя. Раз ты заметил, что остановился, никакая сила не удержит тебя на месте, верно!

Дудин ответил ей кроткой и благодарной улыбкой.

У своего дома она остановилась и, блестя глазами, сбегнула с пра-вой руки варежку с вышитой оленьей головкой.

Алёша не хотело уходить. Он испытывал сейчас такое же чувство, какое испытывал давно, в детстве, когда в жаркий, душный день уходи-л с товарищами из села, влезал на серую каменную спину Сухоты и, сидя там на вершине, обхватив руками колени, смотрел вниз, на Порожку, и с наслаждением вдыхал освежающе-лёгкий воздух вы-соты.

Вероятно, Тоня поняла его и сказала, точно оправдываясь:

— Мне ещё на кирпичный ехать... Завтра придёшь к тебе на участок... Простились, Тоня вошла в подъезд и, размахивая полевой сумкой, побегала вверх по лестнице; с удивлением отметила, что от усталости, с которой она уходила с работы, не осталось и следа...

Когда она скрылась в подъезде, Дудин перешёл на другую сторону улицы и оттуда стал смотреть на её окна. Он отлично знал эти три ок-на на четвёртом этаже, справа от крайней колонны.

Два окна были освещены, и в них промелькнула чья-то фигура. Он догадался: мать пошла открывать дверь Тоне. Потом в тонной комна-те замаялся оранжевый, тёплый-тёплый свет.

Дудин ещё постоял немного, глядя на окно, потом нахлобучил ку-банку и быстро зашагал домой.

г. Свердловск.

Владимир Остаточников, бригадир молодёжной бригады оттапного намета.

НА УРАЛЕ

А. ОДИНЦОВ

ДОРОГА

Всё та же природа, что и в средней полосе России, только один за другим пошла холмы — выше и выше. Всё чаще поезд прорезывает долины, и из окон видны пласты бурого известняка. А между камнями пойма относительно ровные сосенки, чуть припущенные снегом. Но вот путь выходит на простор, идёт вдоль реки. Над ней и дальше — лесное раздолье. А вблизи разлилась зелень. Сколько оттенков у одного цвета! От тёмного, почти чёрно-зелёного цвета, в который окрашена ель, одиноко стоящая на вершине, до чуть ли не жёлтого куспарина, спускающегося к реке.

А вот и промышленный пейзаж Урала. На берегу показались строения: одинаковые домики с крытой террасой, домики свежей рублёй, обшитые смолистой доской. Приятные зинные домики над крышами. Ребятишки на лужах. Магазины. Афиши. Это — начало нового города. А дальше укатывающая дорога и уходящие вдаль веренища автомашин. Вот и краны, шагающие от цеха к цеху. Дымящиеся трубы. Длинные, красного кирпича цехи с гребнем остроконечной крыши. Рядом чёрные карлазы стальных ферм, ещё не заполненные кирпичом, бетоном, стеклом. Новые многотажные дома, новые магазины. Всё новое. Даже река, на берегу которой уже приготовлены камни, мешки с цементом, бетономешалка. Здесь будет плотина. И так повсюду, одна стройка за другой. Новые и старые заводские города, домики, шахтные кооры, рудники.

РАБОТНИК И ВОИН

Самый старый завод на Урале был построен в 1631 году, самый молодой, — вероятно, вчера, а может, и сегодня. Вокруг этого завода тоже вырастет город, и, возможно, трамвай повезёт вас вот так же: сначала мелколесем, затем реденьким сосновым бором, меж стволов которого торчат пирамиды фонарей и павильонов парка, то снежные горы детских садов. И станете вы на главной площади и оглянетесь вокруг.

Здесь, на Ураламе, она называется площадью Первой пятилетки. Прямые улицы расходятся лучами. Эти лучи — до торсионки. На горизонте лес. Такой же ещё недавно рос здесь, на площади.

Как называются улицы нового города? Улицы Сталина. Кварталы многотажных жилых домов, внушительный Дом технической учёбы. Улицы асфальтированы: Прямые аллеи сквера орожены ажурными решётками, фонари с тождём витками украшениями. Улицы Победы, Стахановская, Культуры, Иллюстри, Изобретателей, Уральского рабочего..

Уралам издавна считается кузницей великих строков. Здесь были построены первые прокатные станы, создано доменное оборудование для Магнитки, Кузнецка, Тагилы, здесь и сейчас куется оружие великого наступления. Вот и сегодня: выпущен электрический экскаватор, отлит кошку мощного землеса, многотонный пресс отковал стальной коленчатый вал, началось монтаж нового шагающего экскаватора для Волго-Донского канала..

...У заводских ворот на высоком постаменте стоит танк. Это обласкано в память тех дней, когда, опершись на Урал, Советская Армия сокрушила врага. Сейчас у подножья танка прохладят митинги в защиту мира.

Он всегда такой, город — работник и воин, как сказал Маяковский.

СВЕРСТНИКИ И СТАРОЖИЛЫ

Уралам всегда молод: тем, что в цехах молодёжь, тем, что всегда новы его машины. ...В большой комнате за длинным столом заседание заводского комитета комсомола. Идёт приём в комсомол. Почти точь-вточь, как на картине художника Григорьева. Входит девушка в свей лыжной курточке, с бантиками в косичках. Она зовонозави, лишь так и пышет, глаза горят.

— Сколько тебе лет? — Так начинается разговор со сверстниками завода, его одноклассами.

— Тридцать третьего года рождения.

— Где учишься?

— В седьмом классе.

— Как?

— Было две тройки.

Пауза. Пальцы нервно перебирают косички. Нине Волковой, ученице толара, несколько секунд за эти тройки.

— Читаешь много?

— Да.

— Кто любимый писатель?

— Гайдар!

Вот она, сверстница Ураламаша! А в прессовом цехе в это время отковыливается расклеванная громадина. И так же легко, как в колхозной кузне забирает кузнец из горня подкову шипцами и зынок подбрасывает её на наковальню, с такой же лёгкостью держит кран многотонную поковку, длиною метров в пятнадцать, вытягивает и сжимает её. Поодаль, стоит Владимир Захаров — старший полуручник. Ему 18 лет. Широко распахнута на груди рубашка. Светлые волосы спадают на запястьях лоб. Открытое лицо сосредоточено. Он руководит работой. Там, у прессы, бегает, как волк, он гигантским шаблоном замеряет размеры поковки и записывает мелом цифры на доске. Володя — и сверстник завода и его старожил.

КАК РОДИЛСЯ НОВАЯ ПОЧИН

Парторг цеха крупных узлов Семён Лаврентьевич Звягин любит рассказывать, и его любит слушать молодёжь. Все его рассказы неизменно сводятся к одному: к заводу. Начинает он всегда издадала. Вот и сейчас, в перерыв, окружает его несколько человек. И он рассказывает.

Представьте себе, говорит, что с Дона, из станицы Цимлянской, звонит в Совет Министров, спрашивают: что, мол, издать ли дать шагающий экскаватор? Очень нужен! Из Сибири звонит: как, мол, с прокатным станом? И тем и другим отвечают: «Получите же время».

— А хочется раньше, — замечает Звягин.

— Вот вы подсчитайте, сколько мы времени тратим на установку деталей, на установку инструмента. Сократим время — будет советским людям и стан и экскаватор раньше.

Эта мысль давно беспокоит и начальника цеха и парторга. Нет, не всё хорошо, раз станки, обрабатывающие стотонные детали, станки

Три тысячи молодых рабочих-Ураламашей учатся в вечерних школах, технических, институтах. На с ним и в группе комсомольцев цеха буровых машин. Слева направо: товарищ Евгений Медведев — учащийся V курса машиностроительного техникума, слесарь Николай Устоманов — студент II курса политехнического института, мастер Максим Филиппович Савицких — студент VI курса того же института, товарищ Юрий Шмелев — студент II курса.

высотой в трёхэтажный дом работают с неполной нагрузкой. Он спрашивает совета у одного, у другого.

— Товарищ Белов, ваше мнение?

Белов, начальник плано-экономического бюро цеха, согласен с партгором: надо начать решительную борьбу с простоями, разработать систему более быстрой установки деталей, чётче определить порядок работы на станках, и это он сделает вовремя, как обещал, к партийному собранию.

— Павел Иванович, а ты как думаешь?

Мастер Зубарев слушает партгора очень внимательно и говорит, что кое-что уже придумал, чтобы полностью загрузить все свои станки. А через несколько дней комсомолец Сергей Шувалов в его сменщику ставит рекорд: за семь дней они нарезали зубчатое колесо, на которое давалось 16 дней. Этот порок Зубарев дал первые плоды.

В тот же день Павел Зубарев выступил на партийном собрании. Его поддержали. Затем обсуждался вопрос на комсомольском собрании. Здесь была создана молодёжная бригада краповищи. Ведь детали крупные, установка во многом зависит от работы крана. И вскоре почти мастера Зубарев и его молодой сменщик широко подхватили на заводе.

УРАЛЬСКАЯ ЖИВИНКА

У каждого мастера есть свой секрет. Павел Зубарев секреты свои записывал, но в сундуки не прятал. Записную книжку всегда держал при себе. «Работал поворотный круг, устанавливая так-то, подбор шестерён такой-то». Или другая запись: «Работал венцевую шестерню, устанавливал так-то, подбор шестерён такой-то». Большого равнообразия не было в записях. Сколько деталей видел за 15 лет своей работы Зубарев, столько и записал. Другой раз просто даёшь слова и чертёжики. Все зубурезы прибегали к этому блокноту-зачислению.

Но что, если нет такого станка, чтоб нарезать зубца шестерни, внутри которой свободно поместится паровоз? Уже месяц бьются в конструкторском бюро, пытаются модернизировать один станок, другой... Инженеры всё больше склоняются к тому, что надо строить специальный станок. Этот вопрос обсуждают на техническом, партийном и комсомольском собраниях.

Мастер Зубарев и комсомолец Вени Мелнев сидят после работы и листают записную книжку. Есть там одна запись. Такая запись, что жжёт им сердце и ут: «Работал шестерню, устанавливал так-то, подбор шестерён такой-то...» И приписка: «Уж больно велика, хоть яму подкапывать». Легко сказать: яму! А что если колесо в два раза высотой, а точность требуется вплоть до микронов? Весит оно два — три десятка тонн, а рассчитывается на граммы. Риск отменяется начисто. Если действительно вынуть яму под станком, удержится ли на станке? Расчёты ведутся в конструкторском бюро, подсчитывают Звягин и главный инженер, Зубарев и Вени Мелнев. Комсомольцы решают: во внеурочное время оторвать от производства. Мелнев и Шувалов получают разрешение у начальника цеха, и работа идёт всю ночь. К утру яма готова. Проходит ещё несколько дней.

Наконец решилось. И решалось так, как предлагал Зубарев. И вот у станка струдилась яма. Над ними кружится в воздухе огромное колесо. Зубарев подаёт сигналы краповищам, чуть помахивает ладонью, и деталь медленно начинает опускаться. Внизу её подхватывает и направляет Вени Мелнев.

Звягин следит за крапом и думает, что дней через десять это зубчатое колесо уйдёт с завода и до следующего раза забудется книжка Зубарева. А это неправильно. Надо бы свериться и обобщить его опыт, может быть, выпустить таблички, книжки, организовать цикл лекций. Партгор видит, как ловко орудует Вени Мелнев, как напряжены молодые лица. «Вот на таких делах и надо воспитывать активность молодёжи», — думает он про себя. Но пережидает всё это время комсомольцы, сколько вносили своих предложений. Но вдруг звякнул освобождённые цепи, и колесо, плотно схваченное с обеих сторон, крепко стало в станке.

В ДОБРЫЕ ПУТЫ

Раскрываются ворота, и луч солнца ударяет в огромный ковш. Экскаватор трогается с места и выходит из цеха. Сейчас он пойдёт в каменоломню. Там его испытают, потом разберут, поругают на шесть платины и отправят... Куда? В один из пунктов, обозначенных на карте, что висит на заводском дворе. Там, в центре карты, как пережидали, хребта стоит Уральшан, и от него расходятся во все стороны стрелы по все города, большие и малые, — в Москву и Архангельск, во Владивосток и Ригу...

Экая громадина, этот электрический трёхкубовый экскаватор! Он перерабатывает в час 450 кубометров породы. Сто таких машин заманят целую армию землекопов — 130 тысяч человек! Ведь это — население большого города! Каждый экскаватор весит больше полутонна, а его гусеницы оставляют след на каменном толстом дожде. На стреле экскаватора надпись: «Уральшан — великим строителям».

В добрый путь!

КОМПЛЕКСНАЯ БРИГАДА

В цехе, который даёт детали для экскаватора, из года в год увеличивается производительность труда. Экскаватор выпускается всё больше.

— Как расточному станку, у которого, уже вытирая руки, стоит молодой человек, подходит начальник цеха Великжанин и с ним ещё несколько человек.

Здесь рождаются машины для великих строек. В цехе сборки экскаваторов. Стахановка-электросварщица Екатерина Григорьева за сваркой новых экскаваторов.

— Звонил директор. Спрашивал, скоро ли дадим деталь, — говорит Великжанин рабочему Остаточников. — Я сказал, что завтра. Успеем? — А что готовишь? Сейчас заклеим! — и забирате.

На лицах изумление. Все будто застыли на месте. Но Володя Остаточников сохраняет серьёзность, хотя от души хочется рассмеяться. Он, конечно, знал, что все увидится, но получилось ещё лучше, чем он думал. Володя наклонился и своим клёвым ставит значки «ТК-47», «технический контроль № 47». Он и рабочий, он и контролёр.

В бригаде четверо: расточник Владимир Остаточников, фрезерщик Александр Сысков и строгальщики Иван Смолин и Владимир Жуков. Почти все операции механической обработки завершаются в бригаде. А это означает сокращает время обработки деталей. Все члены бригады — рационализаторы, и детали обрабатываются упрощённым способом.

В цехе ещё не унало бригады, которые работают по методу бригады Остаточникова.

Так в экскаваторном цехе, а вот на сборке...

ОБЫКНОВЕННАЯ

ИСТОРИЯ

...А может быть, здесь собирают не экскаваторы, а озерелы из уральских самоцветов? Поэтому что, как вишно-жёлтые топазы, светят высье лопка экскаватора. — Мы раньше всегда любовались, будто россыпь сибирского лазурита.

— Только в полдень здесь такая красота. Потом солнце уходит, и яркости уже той нет. — Это говорит молодой парень, только вылезший из лопка экскаватора. — Мы раньше всегда любовались, — замечает он.

— Кто это мы?

— Моя бригада.

— А сейчас почему не любуетесь?

— Нет той бригады, — сказал парень сокрушённо.

— Распалась?

— Снятые, что так...

КОМСОМОЛЬСКОЕ ШЕЩЕСТВО

И теперь рассказываю удивительную, но, пожалуй, теперь уже обыкновенную историю. Несколько лет назад, когда завод приступил к серийному выпуску электрических экскаваторов, в цехе сборки была создана молодёжная бригада из десяти электромонтажников. Бригадиром стал комсомолец Пётр Кисельев. Молодёжники соединили проводом моторы, пульт управления, панель, от которой идёт распределение энергии. На каждую машину они подготавливали трубы, сгибали их и внутрь пропускали проволоку. Прошёл год, совершенствовалась конструкция, сокращались и шло работы. Уже легко справлялся с монтажом шесть человек, тогда бригаду предложили заменить трубы жёсткими, и работа ещё больше упростилась. В бригаде осталось четверо: бригадир Пётр Кисельев, Володя Шатунов, Борис Осинцев и Сергей Дерий.

Прошло ещё несколько месяцев, и бригадир предложил отказаться от предварительной разметки отверстий, а сразу сверлить их по кондуктору. Это назвали обобщённым монтажом. А в эту пору как раз Борис Осинцев принял в училище. В бригаде осталось трое.

Теперь комсомолцы стали думать над тем, как выгодней прокладывать трассы жёлобов. Они предложили несколько вариантов, и с одним конструкторское бюро согласилось. С этих пор монтажники стали получать уже готовые жёлобы, стандартные. И в бригаде осталось двое.

...Сколько труда и воли положили люди — создатели этой великолепной машины!

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ СЕГОДНЯ!

Первое, что бросается в глаза в этом цехе, — это десятиметровый несложный плакат, навешанный на тебя указательный палец: «Что ты сделал сегодня для успешного выпуска мощного шагающего экскаватора?» В гражданскую войну на таком же плакате был нарисован человек в будённовке, в годы Отечественной войны на плакате был советский солдат с ружьём. «Что ты сделал для фронта?» Сейчас на плакате нарисован молодой красивый парень в синем комбинезоне. Плакат стал традицией, перешёл от отцов к детям.

Иван Кузьмин — молодой красивый парень в синем комбинезоне. Он член комсомольского контрольного поста на строении шагающего экскаватора. Именно на строение, ибо машину эту правильно называть сооружением. В ковш-лопе поместится трёхтонная автомашина. Стрела равна шестидесяти пяти метрам. Это высота дома в шестнадцать этажей. А машинное отделение, где установлено около пятидесяти машин и моторов, представляет собой целый зал. Вверху движется мощный шестой кран. Это в самом-то же здании! Какой экскаватор в год способен вырыть от пятидесяти до шестидесяти метров канавы!

Идёт общий монтаж шагающего экскаватора, и в этой работе не последнее место занимает Иван Кузьмин. Он недавно окончил ремесленное училище, но считается уже специалистом по шагающим экскаваторам, выпускает не первую машину. До смены остался два часа. Кузьмин должен поговорить с Рификом Рахмановым. Тот тоже монтажник, но работает на заводе недавно, и опыта у него ещё мало. Оба они исчезают в люке опорной рамы, где Иван объясняет Рифыку, как крепить внутренние узлы. Ведь контрольный пост должен не только фиксировать опускания или брак, но и учить. И Иван Кузьмин помогает товарищам. Сидит тут же, на месте, и ждёт.

— Вы сегодня на посту? — подходит к Ивану ведущий инженер Дмитрий Андреевич Ясенов. — Я попросил бы вас обратить внимание на работу отверстий. Это сейчас особенно важно.

Над полом плывёт огромный расточный станок. Его уставляливать из плаката. Это ползущий резервер. Многотонные станины ставят на стальной плавучий будущего машинного зала. Иван направляется к мастеру получить задание и начинает сейчас работу. Смена его ещё не началась, но ведь расточка — сейчас главное.

ПЛОТИНА НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ

Мартеновский... Идёт формовка корпуса землеса, того, что будет каждый час намывать тысячу кубометров грунта, того, что заставит воду соорудить плотины. Сама вода намывает плотины, река сама замает фильтрующие места в плотине и склёт тысячи, миллионы тонн воды.

Но галь, из которой будет сделана плотиностроительная земля, находится в мартене. Хотя нет! Будет уже она, осветлённая бистая, лежит в гигантских ковша. А у формовщиков идут последние приготовления. В огромный котлован вёдет лесенка. Такую высоту строят при сооружении многотонных дамб. По земным переходам с лампой в руках плывёт комсомолец Владимир Шевченко. Сейчас стал заполнять эти отверстия. Всё же в порядке? Он уходит лишь тогда, когда всё колокол. Медленно плывёт ковш. Над ним полыхает белое зарево. Огненные искры вспыхивают, как разряды, и гаснут, не долетев до земли. Володя поднимается по лесенке. Бьёт колокол. Внимание, внимание! Белая опалесценция стала льдом в гигантской форме.

Плотина начинается здесь.

БОЛЬШОЙ УРАЛ

Много больших заводов на Урале. Вглянешь на карту — везде заводы, рудники, шахты. Вот где-то и плотины, и каналы, и железные дороги. Но символы большого Урала! Но символы нового Урала, созданного сталинскими пятилетками, остаётся Уралмаш.

Уралмаш! Здесь начинаются не только плотины. Здесь начинаются и новые заводы, и каналы, и шахты, и железные дороги.

Не мечтой, а реальностью стали машины будущего, выпускаемые заводом; не в мечтах рабочие получают дипломы техников и инженеров, не в мечтах простые рабочие управляют такими машинами, с которыми ещё недавно могли справиться только инженеры. Теперь это всё есть в жизни. Но люди продолжают мечтать. Миллионы людей скопились на картах великих строков, не в силах оторваться от величественного зрелища близкого будущего.

г. Свердловск, Уральский завод тяжёлого машиностроения имени С. Орджоникидзе.

В январе 1931 года, 20 лет назад, IX съезд комсомола принял решение о шествии ВЛКСМ над Военно-Воздушными Силами Советской Армии. Отныне была закреплена боевая дружба молодёжи с авиацией, начало которой положено было ещё в годы гражданской войны.

Страна в это время создавала крупную индустриальную базу. Была построена и собственная авиационная промышленность. Родные нужны были кадры лётчиков и инженеров, а совершеннее владеющие авиационной техникой.

Решение съезда имело большое значение для подготовки высококвалифицированных авиационных кадров.

«Военно-Воздушный Флот был создан нами буквально заново. И здесь комсомол сыграл не меньшую, а, пожалуй, ещё большую роль, чем в Военно-Морском Флоте», — говорил М. И. Калинин, отмечая заслуги комсомола в этом деле.

Комсомол послал лучших своих людей — отважных, смелых — на пополнение стреловых частей Военно-Воздушных сил.

Комсомольцы — лётчики и штурманы, инженеры и техники — принимали горячее участие в выполнении поставленной товарищем Сталиным задачи — летать дальше всех, быстрее всех и выше всех.

В годы войны комсомольцы-лётчики, многие из которых пришли в авиацию по призыву комсомола, показали образцы беззаветной преданности, стойкости и массового героизма. Всему советскому народу известны имена советских асов — воспитанников комсомола тридцати Героев Советского Союза Александра Покрышкина, Ивана Кожедува, комсомольцев Героев Советского Союза Петра Харитоновца, Степана Здоравцева, Михаила Жукова, Николая Гастелло, Виктора Брусилова, Виктора Валаникина, Евгения Руднева, Фёдора Гашева и многих других.

Образ сталинского солдата Алексея Маршала, как наиболее яркое воплощение высоких моральных качеств советского человека, запечатлён в литературе. В послевоенный период ленинский комсомол — шёф Воздушного Флота — последованно заботится о дальнейшем укреплении боевого могущества советской авиации.

В целях и соединениях с каждым днём растёт количество комсомольцев — передовиков боевой и политической подготовки, — показывающих пример овладения современной авиационной техникой, воинской дисциплины и организованности. Число отличных экипажей, звёзд, аскари, частенько множится из года в день. За высокие показатели в боевой и политической учёбе многие комсомольцы занесены в книгу почёта ЦК ВЛКСМ, награждены орденами и медалями Советского Союза, удостоены звания классных лётчиков и штурманов. Комсомольцы Военно-Воздушных Сил вместе со всем личным составом авиации неустойно борются за выполнение важнейшей задачи, поставленной товарищем Сталиным: летать в любых метеорологических условиях и ночью.

Молодёжь овладевает авиационным делом в аэроклубах, в планерных и парашютных кружках и на станциях ДОСАВ. В прошедшем 1950 году Добровольное общество содействия авиации провело 4 всесоюзных соревнований спортсменов-лётчиков, планеристов, парашютистов и авиамоделистов. Советские авиамоделисты только в прошлом году завоевали 30 мировых рекордов. Модель самолёта с механическим двигателем авиамоделиста Д. Секирина продолжалась в воздухе 4 часа 25 минут, перекрыв абсолютный рекорд, принадлежавший ранее тоже советскому авиамоделисту Лобушкину.

В то время как кровопролитные американские лётчики, разрушающие города и сёла Китая и Китая, несут на крыльях своих самолётов смерть и порабощение народам, советские лётчики являются одним из отрядов Советской Армии и всего советского народа, активно борющегося за мир.

Советская авиация сегодня связывает воздушными магистралями многочисленные города и сёла страны, помогает искониному природным богатствам, используется как средство охраны здоровья человека. Авиация — любимый вид спорта. Спортсмены — лётчики, парашютисты, планеристы и авиамоделисты — не только заявляют себя физически и неустойно совершенствуют свои качества, но и прославляют нашу Родину новыми авиационными рекордами, крепят её авиационное могущество.

Советская авиация — это могучий род войск, бдительный и стойко стоящий на страже мира и безопасности социалистической Родины. Боевая готовность советских лётчиков, как и всех воинов армии и флота, — лучшая гарантия мирного, созидательного труда советского народа.

Вот почему, отмечая славную дату двадцатилетия шествия комсомола над Военно-Воздушными Силами, советские люди желают комсомолу ещё настойчивее крепить связь с авиацией, помогать дальнейшему укреплению авиации новыми кадрами, в совершенстве знающими авиационное дело, беззаветно преданными делу партии Ленина — Сталина делу коммунизма.

С. Гельберг.
Всесоюзная художественная выставка, 1950 год.

До Корového бродя мальчики доехали на полупутной машине.

Когда за столами сосен заблестела река, они постучали по крыше кабинки.

— Дядя! Остановите! Доехали!

Грузовик несколько раз подпрыгнул на обгаженных корнях деревьев и, чихая, остановился у самого спуска к реке.

Со стуком распахнулись двери кабины, и из неё вышла шофёр.

Мальчики, собирая удочки и корзинки, с любопытством посмотрели на него. Это был невысокого роста человек с весёлыми глазами, «подборостиком», телом, сухой и лёгкий, но с длинной бородой.

— Ну как, парнишки, хорошо прокатились? — спросил он, вытирая лямку рукой.

— Хорошо, дядя! С ветерком! — хором ответили мальчики.

— Ишь, ветерки им нравятся! Да разве при такой жарине можно с ветерком! Смотрите, что с мотором-то делается! Чистый самовар! — вскричал он, сокрушённо покачивая головой, и вдруг, нагнувшись, густые брови, громко крикнул: — Ой, который-нибудь, беги за водой! Мигмо! Выпавший положение! Потом он подошёл к мотору и снова добродушно заворчал:

— Опять я, старый грёб, из-за вас эксплуатационные правила нарушил!

Андрейка, черноволосяный мальчик лет тринадцати, в плащ-палатке, нагнувшись прямо на голые плечи, подхватил ведро и побескал к реке. Он вернувшись к машине, держа наполненное до краёв ведро.

Андрейка опустил ношу на землю, пошатался на дощатом, переступая босыми ногами, и проговорил:

— Вы бы, дядя, отдохнули, а я уж всё сделаю и машину помою. В нашем колхозе я всем шофёрам помогаю!

Остатки рано, но вот место осмотреть действительно требуется.

Шофёр повернулся и подошёл поднимая на холм, к новой вырубке. Мальчики видели, как он стал размеренно ходить между столами сосен и, словно отсчитывая шаги, помахивая рукой.

Андрейка возился у машины, а Миша и Павлик достали из корзины деревянный лоток, бросили на него несколько горстей песка и стали нажимать подальше. Ловкие руки Миши быстро перебирали бечёвку, и на его овалом лице с тонкими, правильными чертами появилось выражение сосредоточенности. Павлик, девятилетний крепш с круглой головой и широким лбом, над которым задорно, словно пугливым гребнем, торчала белокурая хохолок, сидел на земле и всё время посматривал туда, где маялька фигура борзодатого человека.

— Ты не верти головой-то, а то к вечеру не успею! — солидно заметил ему Миша, укладывая на лоток первый ряд нажатых крючков.

Солнце опустилось уже за верхушки деревьев; на столах сосен вспыхивали перебегающие золотистые искры, а по небу, на западе, протянулись огненно-красные полосы, которые становились всё длиннее и длиннее. Основной бор ещё купался в ярком свете, а налево, и дальше, уже застилались тучи. Там слышалась позвякивание колокольчика, раздавалось мычанье коров.

Шофёр, вернувшись к машине, сел на пенёк поблизости от неё, свернул цыгарку и, спрятав хитрую усмешку в курчавой бороде, лениво проговорил:

— Ребёнок-то у вас дохляк. В ней, поди, и рыбы-то нет!

Миша вскопал на него:

— Вы, дядя, не знаете! Здесь перекаст, а пониже такте омучитесь — дня не достать! Даже сомы водятся!

— И с оми река у вас такая хорошая, значит, колхоз плохонький! — сказала шофёр и лукавыми глазами внимательно посмотрела на мальчиков.

Миша вскинул голову. Андрейка выронила кусок грязной рогатки и лютно скала губы. Павлик из-под широкого лба пристально смотрел на шофёра.

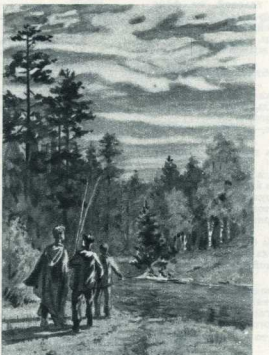
— Это как? — нетерпеливо спросил Андрейка.

— А так! Река у вас быстрая, а гидроэлектростанция не построили. От соседнего колхоза светом-то пользуют, да и то только зимой, на два часика.

— Ну, значит, дядя, это раньше было, что каждый колхоз для себя маленькую электростанцию строил, — улыбнулся Андрейка, — а у нас как всемо колхозов собралось, — такую станцию построили, что я те дам! Вот на новое место передем, так и тутим.

— На вырубке были? — снова вскопал Миша и заговорил звонко, горлоливо: — Туда мы и переезжаем, три колхоза вместе.

Рисунок Ю. Фролова.

Лев ЛУБНИН,

депутат совещания молодых писателей

У БРОДА

Рассказ

кустах черёмухи насистившая марш из «Весёлых ребят».

— Неужто мы стадо к ночи за семь километров домой гоняте? Загоню я что-то не вижу.

— Э-э, дядя, не поймайте! — засмеялся Миша. — У нас не загоню, а лёгкий скотный двор называется, в километре отсюда. Стадо на лесном выгоне только второй день ходит.

— Ну, это так... А знаменитые явля у вас в колхозе имеются?

— Как же! У Павлика мать Золотую Звезду получила, за лён. Андрейка вскопал на ноги.

— А самый знаменитый у нас Федюня! Такого, брат, ни в одном колхозе нет! На всю область оный! Чоминон по штатне. Он в ноябре в Москву поедет на соревнования. И тоже немного по его программе себя тренировал... Он энергично замалка ругался.

Павлик также оживился: подошёл к пенёчку, сбросил курточку и тряхнул белокурым хохолом:

— У меня биспенцы тоже есть!

Вторда, посмеиваясь, звонко шлёпнула Павлика ладошкой по спине:

— Сидишь парень растёт!.. А кем же этот Федюня в колхозе-то работает?

— Пастухом.

— Нет он дик в кустах насистившая?

— Нет, это Долька, из нашего класса. А Федюня каждый вечер говоится. Нашто-то председатель вдруг боксёрством соделался, — нахмурился, скала Андрейка. — Всё время отпуская Федюню, даже сам посылал, а тут, как а лес стадо переносит, взад да и запрети. Говорит: неадею не ходи. Прямо самодурный поступок! Срывает всё тренировку!.. А мы, физкультурники из нашего класса, тихонько взяли да и рогали по очереди подмять Федюню. — Андрейка подмигнул и громко засмеялся. — Ловко! Густые брови шофёра сомкнулись над носом.

— Ну, не знаю, ребята... Не пойму я что-то вашего Федюню. Ведь пастух он. Должен знать, что не сразу стадо в лесу приживается. Разве можно мальчонку при таком деле оставить?

— А ты зря про председателя-то, — повернулся он к Андрейке. — Кто стадо привыкло слушать, тот в первые дни обязан при нём находиться... Ишь ты! — вымахнула он руками и, выставив вперед бороду, зыательно говорил: — До ноября времени-то сколько, а на пять дней покаже при таком моменте...

Он подлился, бросил окурок и придала его каблуком:

— Ну, парнишки, мне, пожалуй, пора. Так вы завтра скажите

Отари КУПРАВА

ШЕЛ Я К ДРУГУ СВОЕМУ...

Шёл я горною дорогой
Над рекою Окумцхаи.
Давный гром звучал. Предгрозы
Приближало быстро тьму.
Белоснежные вершины
Оплаывали, пропадали,
Мчались тучи где-то рядом.
Шёл я к другу своему.

Видно, вышел я не в пору —
Ветер рвёт листву густую.
Ниже тучи. Крепче ветер.
А дорога далека.
Видно, вымче я в дубраве
Неспокойно заночую
Ветер крепче. Темнея туче,
И вокруг — ни огонька.

Только слышу: чей-то голос
Над полями рвётся к тучам!
Приближается к дороге
Чей-то голос молодой.
Громче неслышно. Оборвалась.
Визу я старика мотухи,
Улыбнулся по-отцовски,
Поздоровался со мной.

— Ты послушай-ка, дружище, —
Мне с улыбкой говорит он. —
Видишь сам: несчастье близко,
Собирается гроза.
Заходи в мой дом, дружище,

Малые поэты Грузии

Михаил КВЛИВИДЗЕ

САМГОРИ

Подсолнухи. В лучах пылит дорога.
И на току палиций жёлтый зной.
Нигде я солнца не видал так много,
Нигде не видал засухи такой...

И в это солнце плавающее кануло,
Самгори дремлет, как спала века,
И как молба трёх братьев —
трёх кургана,
Чуть шевелятся губы ветерка.

Я помню детство в пропавшем зное,
Как у Самгори — жажду. Шам года.
И этой неуёмной жаждой двое
Томилась мы, измучены всегда.

Иора, ты мне правилась, шальная,
И вот волна твоё вошла мне в грудь.
То первого стиха вода живая.
Я, ослеплённый ею, вышел в путь.

А степь томилась и ждала в печали,
Когда и кто Иору приведёт,
И ветер вея, как татарка шалью,
От серой пыли прикрывала свой рот.

Подсолнухи. В лучах пылит дорога.
И на току палиций жёлтый зной.
Нигде я солнца не видал так много,
Нигде не видал засухи такой...

Но стоило явиться человеку, —
Взглянув на три кургана с высоты,
Он перерезал неистую реку,
Иору перевёл через хребты.

Шёл и думал я: «После
Дом найду я, чтоб укрыться.
На земле моей и за год
Всех друзей не обидёшь!»

Перевёл с грузинского
Ю. ОСТРОВСКИЙ

Захарий ШЕРАЗАДШВИЛИ

М А С Т Е Р А

За тридцать земель, но всё ж
он наш, родной Урал.
В огромном городе труда
завод титанский встал.
Неиссякаем плав его,
размах его широк.
Как рёв оленя, среди гор
и среди долин — гудок.
Здесь сталеваров имена
гремят из рода в род.
В ремесле, гордится весь Народ.
На срок покинув землю лоз
и всех земных даров,
Двенадцать юношей-грузин
у русских мастеров

Учиться мы пришли сюда,
в далёкие края.
Уральская земля друзей
встречала, как своя,
И научила, как родных,
сталеваренью нас.
Металл холодный стал горит
от комсомольских рук.
В печак клокочущий металл,
станки гудят вокруг...
Сердца двенадцати одно
желание прожгло.
Познать стальное ремесло
в Россию нас влекло.
Язык металла изучив,
теперь мы с ним в родстве.
Металла звон, как пенье птиц
в небесной синеве.
Не только юности — Народ
звон стаи полюбил.
Халибам! бы стальную песнь
услышать из могил!
Заворожил бы зренью их
металла — огонь живой!
И предки-металлурги пусть
благодарят Урал,
Который братски нам своё
искусство передал.

Перевёл с грузинского
Александр ГАТОВ

Сражение с природой начиная,
Безжалостному солнцу пригрозила...
Нет, это не мечта! Земля боковая
Вздохнёт, воспринимет, наберётся сил.

То будет новое её рождение,
Трёх безданных братьев ороси,
Вода из гор им принесёт спасенье,
Садами зашумит Самгори вся...

Не узнаю я мёртвые от века
Степные дали, Родину мою!
...Под сенью дерева Я Человека,
Величайший Труд его пою.

Перевёл с грузинского
Александр ГАТОВ

* Халибам — древние творцы металла в Грузии.

В горах

СИХОТЭ-АЛИНЯ

Фото В. Прохазина

Сихотэ-Алинь!
Куда ни взглянешь—исходу горы, вершины их то остроконечные, как петушиные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, словно морские мысы.

В юнцы прошлого века с Украины в эти дебри Сихотэ-Алиня одним из первых переселенцев прибыл Яков Николаевич Пасюта.

Недалеко от моря, в глухой тайге, богатой разнообразнейшими зверем и птицей, построил он вместе с женой избушку.

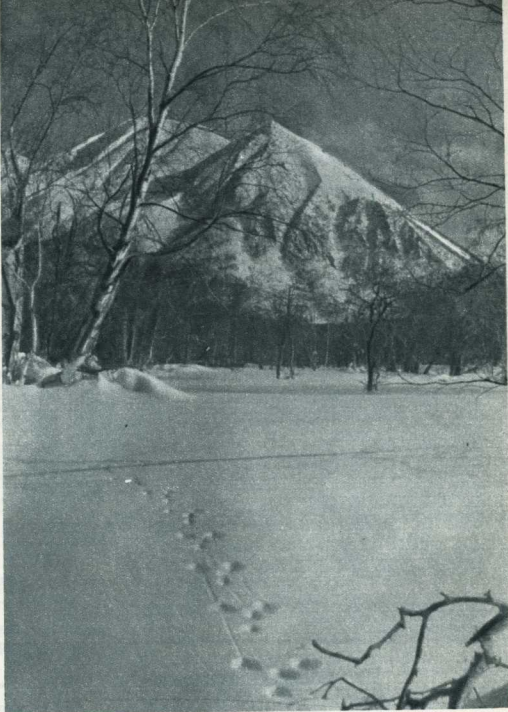
Вскоре и их усадьбе стали пристраиваться другие переселенцы из малоземельных губерний Европейской России.

Охота на пушного зверя стала основным занятием новоблюдов. Но только при советской власти, в колхозе, познали они радость свободного труда.

Большую семью вырастил Пасюта, и все сыновья и внуки его — охотники. Вот они перед уходом в тайгу: сын Иван, сам Яков Николаевич, внук Иван Иванович, второй сын, Яков. Запасная провизия, приготовлены свищи (снимок № 1).

Родоначальник известной в Приморье семьи охотников, Яков Николаевич Пасюта за полвека охоты убил 9 тигров, сотни медведей, множество кабанов, соболей, лисиц и белок (снимок № 2).

Последние годы старик, проводя молодёжь в тайгу, охотится неподалёку от селения: он ставит капканы на лисиц и колонков, стреляет белку, выслеживает и бьёт кабанов. Сегодня день удачный: едва скрылись в тайге молодые охотники, Яков Николаевич заметил след, ведущий к горному краю Сихотэ-Алиня, где с вечера у лесной опушки им были поставлены капканчики (снимок № 3).

Старый охотник меторопливо приблизился к завалу, осмотрел один из капканчиков и осторожно внул огненно-рыжего колонка (снимок № 4).

А тем временем молодые охотники ушли в глубь тайги. Заметив знакомые отпечатки лап недавно пробежавшей лисы, Иван Иванович с собакой, осторожно ступая на лыжах, пошёл расстулывать след (снимок № 5).

Сын Пасюты Иван Яковлевич, уже опытный, зоркий охотник, занял на дереве быстро перемахнувшую с ветки на ветку белку. И не успела ещё собака облаять зверька, как он вскинул ружьё и выстрелил... (снимок № 6).

Положив трофей в заплечницу, охотник продолжал углубляться в тайгу, засыпанную глубоким снегом. Чтобы идти по лыжам, не проваливаясь и бесшумно, охотники подделали себе камышенные (подбитые мехом) лыжи. Верный друг и помощник охотника, собака, внимательно прислушиваясь к обманчивой тишине тайги, бежит с ним рядом. Далекий путь. Впереди много неожиданных встреч и приключений (снимок № 7).

Часто бывает тяжело; иногда постигают неудачи: ходишь-ходишь, а зверя нет. Но зато как радостно после долгих поисков вернуться домой увешанным добычей! Это не только радость за удачную охоту, но радость и за стражу: сегодня она стала ещё чуточку богаче. Пушнина, мягкое золото,— фонд Родины. Это хорошо знают прославленные охотники Приморья — сыны и внуки Якова Николаевича Пасюты. Вот отец, Иван Яковлевич, и сын его, Иван Иванович, самый молодой охотник в семье, вернулись с очередной охоты. Сегодня у них богатая добыча: и фазаны, и рысь, и колонки, и лисы.

— Это наш вклад в дело мира,— говорят они.

Е. ПЕРМИТИН

А. БАКОВИКОВ

ГИБЕЛЬ «ВИРДЖИНИИ»

Рассказ

Старый сухогрузный транспорт «Вирджиния» неподвижно стоял у одного из портовых причалов сан-францисского порта, готовый к немедленному выходу в море. Транспорт сидел низко, и поэтому его борт сейчас находился на одном уровне с причальной стеной. Швартовые концы и короткая сходящая были поспешно закрыты и зачехлены новым брезентом, машины находились под парами.

Матросы немногочисленной верхней команды, ещё не успевшие познакомиться друг с другом, томясь от безделья и скуки, сонялись по верхней палубе. Выход в порт им был запрещен, а время, назначенное для съёмки с якоря, давно прошло. И когда рулевой Биали справившая матросов о причине задержки, те пожимали плечами и отмахивались короткими фразами.

— Я сам сегодня впервые переступила борт этого старого корабля, — отмахнулся от Биали матрос Лоусон.

«Действительно», — думал Биали, знаяши наперечёт все суда пароходной компании Штатов, — «Вирджиния» ещё пять лет назад была поставлена на прикол и предвизначалась на слом».

— С какого пароходного календаря её вытаскивал?

— А ты спроси у Стеффальда, нашего боцмана, — засмеялся второй рулевой и указал в сторону грузного человека с испытанным лицом и непомерно длинными руками, проходившего в это время по палубе.

— Слышишь, старина! — крикнул Биали. — Чем засыпала твоими этой лусунью? — и он ткнул носком башмака о настил палубы.

Но боцман либо не слышал вопроса либо сделал вид, что не слышит. Он даже не повернул головы в сторону рулевого. И когда Биали вторично задал ему тот же вопрос, Стеффальд остановился. Он посмотрел снизу вверх, скося глаза на вздернутый кончик обуванвшегося носа Биали, и, дернув себя за ухо, в котором торчала золотая серьга, зло ответил:

— Знаешь, парень, лоботмытных холзин больше одного рейса не держит. Не нравится — вот борт, а вот порт. — И он указал рукой в сторону берега.

В другое время Биали тут же перекинула бы через спину свой чеподычик и, независимо повисывая, сошёл бы на берег. Но сейчас не те времена. Биали нахмурился и, пожёвывав недокуренную сигарету, спустился в кубрик.

— Конспирация, как в федеральном бюро, — с напусковой вежливостью проговорил Биали и бросил на койку свой старенький берет.

Он стоял посреди кубрика, где на койках валялись с полдюжины матросов, таких же, как Биали, изголодавшихся в постоянных поисках работы. Один из матросов, пристально оглядев рулевого, проговорил:

— Я вижу, тебе не надоело таскаться за тарелкой бурды по очередям, которые собирают секанты благотворительных обществ. А по мне — горю оно всё огнём! Какое мне дело до того, куда и с чем идёт «Вирджиния»? Лучше болатесь на борту этой дырявой кашоши, чем обтирать облезлые стены портовых носажек. Через месяц я вернусь, получу своё, и напелает мне на Стеффальда и уже с ним!

Отступив крошечка, Биали вытянула усталые, ишмные от рваных ног. Но в ту же секунду холодная капля, оторвавшаяся

от подволока, упала ему на лоб. Взглянув на подволока, рулевой приветствовал:

— Да здесь, как в портовом душе! Старое решето пропускает воду через все заклёпки. Поэтому, видно, его и на слом не изымли.

Лоусон уныбнулся:

— Сейчас, парень, невыгодно ломать коробки, даже если они еле-еле держатся на воде. Денежки заставляют и пушки переплывать океан.

Но Биали уже не слышал Лоусона. Прикрыв лицо беретом, он пытался задремать. В кубрик было сыро и душно. Свет крохотной лампочки едва проникал сквозь грязное стекло плавфона.

— В такой дождь хорошо в портовом кафе, — мрачно проговорил кто-то из матросов.

— Или дома, — добавил другой. — Включить газ и самому варить кофе.

— Скорей бы уже пошёл на ходу даки бы пар и для отопления нашего вытвима, — добавил Лоусон.

«Дом...» — подумал Биали. — Не всегда и родной дом согревает. На память невольно пришла старая отцовская ферма в штате Оклахома. Как ни старались отец и мать, но дом не греял ни их, ни младшего тогда Биали. Отец и мать работали не покладая рук, но всё, что они зарабатывали, уходило на покрытие процентов по долговой ссуде. Потом в какой-то год засуха сожгла посе- вы. Отец Биали не выдержал разорения и покочичил жизнь самоубийством. Ферма перешла к кредиторам. Мать предавала Биали вместе с ней нажить в бедности. Но он отказался от неё. Сильным много горьких воспоминаний было связано с корыщенной землёй Оклахомы.

Биали стал матросом. Он «прижился» на каком-нибудь одном транспорте ему не удалось. За участие в демонстрации сторонников мира его уволили с «Калфорнии». Тогда он переехал в Нью-Йорк и нашёлся на шхуну «Юпитер». Шкипер шхуны, услышав однажды, что Биали положительно отказался от деятельности местной организации профсоюза моряков, рассчитал его в тот же день. Так началось скитания из одного порта в другой, с одного корабля на другой, пока судья не привёз его на «Вирджинию».

Растерянный нахмурившимся воспоминаниями, Биали снова поднялся на верхнюю палубу. В это время боцман в сопровождении матроса-электрика Луиса заканчивал обход наружных помещений.

— Стеффальд! — окликнул боцмана с пирса, — включите на сходящее свет.

В несколько прыжков боцман очутился у трапа и, включив люстру, почтительно остановился в стороне.

— Сам, — одними губами прошептал он, повернувшись в сторону рулевого, — мистер Вуд, инспектор компании.

— Стеффальд! — вступил на палубу, проговорив Вуд, — капитан Грэдям сегодня уволен нами. «Вирджинию» поведу я.

— Слышаю, сэр.

— Снимаю через пятнадцать минут.

— Разрешите исполнять, сэр?

— Исполняю.

Штормовая погода преследовала «Вирджинию» почти на протяжении всего рейса. К тому же вахту на «Вирджинии» приходило

лось, нести в две смены. У матросов не оставалось времени даже на то, чтобы поговорить друг с другом.

На подходе к берегам Франции Лоусон слёг с воспалением лёгких, и у штурвала его заменил другой матрос. Ночью Лоусон, скончавшись над койкой Биала, говорил:

— Биал, когда мы будем в Марселе?

— В Марселе? Видимо, через час, не позже.

— Биал, и хотя бы с тобой поговорить, как матрос с матросом. Я не достигну до берега. Ты помнишь коммуниста Митчелла из сан-францисского профсоюза моряков?

— Биал приподнялся с койки:

— Я тебя не понимаю, Лоусон. О чём ты говоришь?

— Сейчас ты меня поймёшь. На последний вахте я слышал разговор Вуда с его помощником. Вуд был очень обеспокоен, хотя и старался не показывать этого. Он сказал, что события во Франции очень тревожат его. Ведь мы с тобой, Биал, живём, как на плывучем маяке где-то у берегов Аляски. Мы очень мало знаем из того, что творится в мире. Мы не имеем возможности даже слушать радио. А во Франции происходит большое дело. Рабист-Вирджиния Калдо, мой старый приятель, передавал, что докеры Франции отказываются разгружать американское оружие.

— Ты думаешь, мы всёём...

— А почему отстранил капитана Грэдга? Разве пошёл бы в рейс сам Вуд, если бы мы вели французам кофейное зерно?

— Так значит...

— Да, оружие. Оружие против русских, против тех, кому многие из нас обязаны спасением жизни. Они меня спасли, когда мы шли с конвоем в Мурманск. Это было семь лет назад. Много с тех пор утесло Вуд. Та война прошла мимо тебя. Ты был тогда юном. Навыком юнцом ты остался и сейчас.

— Неправда, Лоусон. Я многое понял из того, что видел и слышал за последние годы.

Биал встал с койки и, посмотрев на товарища, тихо вышел из кубрика.

Лоусон молчал. Он лежал на спине, глядя потухшими глазами в потолок. В поле его зрения был квадратный метр палубного железа с двумя рядами ржавых заклёпок.

— Биал, мы стёрли старину, — предупредил Лоусона котельный машинист Крекер. — Поднимайся! — и тихо загал: «Шумит, шумит ночной Марсель...» Он пел, как поёт матрос после долгого скитания в море.

— Увы! — утеснилась Лоусон. — Марсель не раскроет перед нами своих дверей...

С верхней палубы донёсся топот ног, кто-то проволочила причальные концы. Потом раздались короткие свистки, и снова всё стихло.

В кубрик один за другим входили матросы. Обступив койку Лоусона, они, перебивая друг друга, взвоянно рассказывали:

— Порт затружен рабочими...

— Докеры отказываются разгружать «Вирджинию».

— Лоусон, — обратился к большому Биалу, — ты слышишь этот шум?

— Слышу, — ответил Лоусон, — слышу. Докеры не будут разгружать оружие Штатам! Народ Франции не хочет войны.

— Он бредит! — воскликнула электрик Аюис. — Его надо бы отвести в больницу.

— Я с корабля не сойду, — твёрдо проговорил Лоусон.

— А может быть, действительно отвести тебя в больницу? — спросил Биал. — Мы попросим, чтобы нам улагани за часть рейса, и на это дот...

Лоусон покачал головой.

...

Промёх дым. Ни один докер не поднялся на борт «Вирджинии».

— Тысяча чертей! — раздался с входного трапа голос боцмана. — Мы хотим наверх! Уходим...

— Мы хотим перевезти Лоусона в портовую больницу, — сказал один из матросов.

— Оставим в другом порту, — ответил Стенфильд.

— Чтобы оставить, нужны деньги. Я надеюсь, что вы передадите мистеру Вуду нашу просьбу, — сказала котельный машинист Крекер.

В первое мгновение боцман даже растерялся. Он стоял с открытым ртом и смотрел на Крекера так, будто видел его впервые. Потом дёрнул себя за серьгу и хрипло выкрикнул:

— «Вирджиния» не санитарный транспорт. За время болезни рулевой потерял заработанное. Все!

— То есть как это? — подступая к боцману, крикнул Крекер и, гримасничая деревянными поставами, пошёл к трапу.

Собравшись, что дело принимает серьёзный оборот, Стенфильд поспешил убраться восвояси.

Кубрик шумел. К матросам верхней палубы присоединялись и котельные машинисты. Крекер, заложив руки в карманы промасленного комбинезона, кричал:

— Стыдно за себя и за вас! Кто видел сегодня Марсель, тот скажет, что я говорю правду. Он на секунду умолял, заметил, что Аюис красен за его спину и входному трапу. — Тебе не нравится, малыш, мой разговор? — насмешливо бросил ему вдогонку Крекер. — Или, или, только не прятать от нас своих глаз, не скрываясь, как вор! Ты можешь передать капитану мои слова: французы не встанут на колени перед Штатами! Франция борется. А почему молчим мы?!

У трапа появился Стенфильд:

— Матросы, капитан приказал вступить на вахту.

— Мы требуем, чтобы Вуд по-честному расстался с Лоусоном.

— Или, я говорю! — обратился Крекер к большому.

Пустое, — приподнявшись, сказала Лоусон. — Дело не во мне, дружище. Пусть все расклетается своим местом. — И, задержав в своей руке руку Биала, он приблизил свои губы к его уху и тихо проговорил:

— Вуд любитесь держать транспорт у берега. А ночью это будет сделать легко. Крекер возьмёт на себя рулевое управление.

— Хорошо, — ирешительно ответил Биал и, тяжело ступая, поднялся на верхнюю палубу.

Где-то там, впереди, за хвостиком вершинками вола, скрывавшись едва приметная каменная гряда ладной почти на полторы мили. Но до каменной гряды было ещё далеко, и Биалю хотелось, хотя бы на несколько минут забыть о ней. Он находился в положении человека, который всё ещё не может решить, стоит ли ему продолжать себя опасностью. Ну что тогда подумают товарищи? Хотя бы тот же Лоусон, который так хорошо знает Митчелла... И, сжимая в руке штурвал, он снова возвращался к соби- тиям, происходившим в матросском кубрике, когда «Вирджиния» стояла в марсельском порту. Вуд запретил матросам выходить на борт. Кажется, кроме Лоусона, в порту не был никто. Но и то, что матросы видели с палубы «Вирджиния», потрясло не только Биала. И, наконец, эта суета на причале, разговор Вуда с портовыми чиновниками и представителями докеров. Биалю хорошо запомнил лицо французского докера. Это был седовласый крепкий человек. На шму, который поднял на причале мистерский хозяин. Он сказал: «Капитан, Франция не Америка, а Марсель не Сан-Франциско» — и, повернувшись широкой спиной, ушёл, твёрдый и неподкупный.

Ночное море катило навстречу транспорту белесые волны. Они обрушивались на нижний бак и, окатывая палубу, ручьями текли к борту. Спрятав Биалу видел святились точки береговых огней. Они высипали, как палубы, и горели ровно и ярко, то приближались к кораблю, то отдалялись от него, исчезали совсем и появлялись вновь.

«А ребит с «Вирджинии» я совсем не знал, — подумал Биалу. — Но когда попадают в рейс настоящие парни, с ними не чувствуешь себя одиоком».

— Халло, Биалу! — услышала рулевая в переговорную трубу голос машиниста Крекера. — Штурман спустился к Вуду в салон. — Сейчас самое подходящее время...

Биалу промочал. В нём боролась два чувства. Он был связан словом с товарищами, которые доверяли ему, ждали его действий, но ему было странно. Биалу почувствовал, что шёл и лобстил в выжженных руках его дрожали. Он приподнял смотровое стекло и ветер ударил ему в лицо.

— Халло, Биалу! — услышала он вторично голос товарища.

— Окей, — ответил Биалу и круто положил руль право на борт.

Теперь уже ветер не свистел в щели перерамки смотрового стекла. Казалось, тихие и шумные волны. Биалу настоятельно. Почему это?.. Ах, да! Теперь вода была право в корму транспортера. Теперь «Вирджиния», как показало Биалу, с удвоенной скоростью полетела навстречу береговым огням.

«Чорт возьми, а руль ещё действует, — тронул штурвал, подумал Биалу. — Почему медлит Крекер? С секунды на секунду может появиться штурман, и тогда...» Биалу снова сжал штурвал. Теперь колесо свободно вращалось из стороны в сторону. «Ведь конечно! — подумал Биалу. — Корабль больше не слушается руля...» Схватив телефонную трубку, он вызвал салон.

— Капитан! — прерывистое дыша в трубку, закричал рулевой. — Капитан, судно не слушается руля! Разворачивает по ветру!

Что произошло в следующую минуту, Биалу плохо помнит. Он слышал крики и проклятия Вуда, видел искажённое лицо Стенфильда.

— Якорь! Якорь! — дико озираясь, повторял Вуд. — Застопорить машины. Полный назад!

С бая в воду пахнуло якорь. И в ту же секунду транспорт словно раздираемый на части, проскрежетал динцем о каменные грунт и, грузно осев, накренился на левый борт. В трём хлынула заборная вода.

Оставив руль, Биалу бежал на палубу. Мимо него, держа в руках вахтенный журнал, сгорбленный и жалкий, потрусил в сторону салона Вуд. На башке одиноко маячила фигура Стенфильда. Вскоре донёс до рулевого гаргон, пронзительную боцманом: «Мы врезаемся в каменную гряду».

Биалу вдруг стало легко-легко, словно с его плеч tooko что сбросили огромную ношу. «Ах, вспомнил оно! — Надо же сообщить обо всём Лоусону! И рулевую направлялся к трапу матросского кубрика.

ЖИВОПИСЬ ПОЛДНИК

Э то было давным-давно. По залам одной из художественных выставок шёл Василий Иванович Суриков. Он внимательно разглядывал картины. Больше всего он задерживался у полотен молодых, совсем ещё неизвестных живописцев.

Заметив, что я наблюдаю за ним, Суриков подождал меня пальцем. «Эти художники, молодой человек, — сказал он, — надежда наша, будущее наше. Надо их знать!».

Если припомнить суриковские слова к Художественной выставке 1950 года, то можно с уверенностью сказать: молодёжь на верном, реалистическом пути.

Однако было бы неверным понимать выступление молодых только как творческую замену. Живописцы, скульпторы и графичи, только что покинувшие студенческую скамью, выступают с серьёзными произведениями, глубокими по мысли и исполнению. И именно они, ещё не имеющие ни званий, ни отличий, задают тон выставке.

Я помню художественные выставки нескольких лет. И тогда выступала на них молодёжь. Но многие были заражены недугом импрессионизма, пытались совместить импрессионистский подход к натуре с большими идейно-творческими замыслами. Потребовался исторический урок. Центральная Компартия, чтобы перестроить систему художественного воспитания, поставив в основу её неизменность принципов русской реалистической школы.

И вот теперь мы видим живописальные этюды этой перестройки. Из стен художественных учебных заведений уже выходят не талантливые дилетанты, завершённые словами «цветовые пятна», «Мэзэ», «Моизэ», «Созизэ». Из стен наших институтов выходят замечательные профессионалы, которые не только понимают, что делать, но и умеют это делать.

Некоторые склонны улавливать тому, что народный художник СССР Б. Иогансон стал работать совместно с совсем ещё зелеными юнцами. Но эти юнцы могут составить отличную конкуренцию не одному мастеру, а целому поколению. Довольствоваться — картина «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола». Хочу обратить внимание на чисто профессиональное мастерство, на добротную живописную кладку, на собранность в цвете, на подчинение частному общему. Также боковая творческая удача — картина «Власть советам — мир народам» В. Басова, Н. Мещанинова, Д. Набзбаидина, В. Прибыловского, М. Суздальцева.

Молодость свойственна заводу, деревне, селению, мечте, ослепотке, вдохновению. Заветные мысли обгоняют друг друга. Ты ещё не окончил одну картину, как хочешь писать другую, и здесь требуется выдержка, умение довести до конца задуманное, выстоять. Довёл до конца интересный замысел Нина Медведова в картине «Адмирал Нахимов в Синопе». Картина будто выхвачена из жизни, будто художник широко раскрытыми глазами смотрит на то, как согбенные турки складывают сабли перед Нахимовым, жадно смотрят, расписывая и донос до нас ослепительный свет, белое, белое, белое — флажки на мачтах и торжественную тишину победной церемонии.

На холсте нет ни одного непродуманного образа. Все типично отлично подобрано. И написаны мастерами. Всё здесь — и лица, и фигуры, и шинели Нахимова — живо боковая с натуры, а натуру художник знает, умеет видеть, умеет перенести на полотно.

В каталоге под названием «Адмирал Нахимов в Синопе» стоит: «Дипломная работа. Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии Художеств СССР».

Так это дипломник! Ну что же, тем лучше. Значит, и вправду отряды советских художников непохоже пополняются в этом году!

В том зале, где висит картина Медведова, выставлены и другие дипломные произведения. Это работы Ульяны Пушкиной, Ратны Крайневой, Стасова, Ползунова, Ломоносова, Горького. Это прелестно! Ведь это свидетельствует не только о любви к великим людям своей Отчизны, но и о широком интересе художников, об их культурном уроне. Для того, чтобы написать такую картину, надо внимательно изучить эпоху, поднять немало исторических материалов. Тут требуется эрудиция. И то, что такие темы решаются в общем удачно, очень отрадно.

Дипломник Анатолий Васильев написал полотно «И. В. Ломоносов — отец русской науки». Тема ответственная, и картина на уровне этой ответственности. Художник изобразил Ломоносова в химической лаборатории. В лице его передан пылкость, ум, широта мысли. И в том, с каким вниманием изучил Ломоносова его молодой помощник, как бы сымаюнчивается преемственность ломоносовских традиций в русской науке. Образы удались. И посмотрите хотя бы, как написаны керамические плиты пола. Деталь! Но без детализации нет целостности. А детали писаны крепко, окрашено, материально.

Вот этой материальности, чёткой законченности не хватает в талантливо начатой композиции В. Гаврилова «А. Н. Радищев». Есть здесь и гнев Радищева, и боль сердца его за родину и страдающую крестьянскую Россию, сам образ этой России, но всё это в эскизе, всё это ещё требует доказа.

Если бы вещь Гаврилова выставлялась на выставке года три — четыре назад, то тогда бы незавершённое, пожалуй, не бросалось так в глаза. Теперь же другое дело. Я не сомневаюсь, возмужает завершённость в догму. Однако же, изображая снег, извольте показать, какой это снег: рыхлый или комковатый; день на улице морозный или тёплый, и чем лица старой женщины разнится от молодой.

Не правда ли? В этом смысле меня огорчило полотно Н. Сорова «Всенародный праздник». Тема хороша: выборы в деревне. Тут бы и показать советских людей во всём их душевном благородстве, во всей их душевной красоте. А у Сорова люди-то все одинаковые, цём у всех одинаково разруливание, и всецелые все одинаково. В жизни не так. У каждого человека обязательно и во всём проявляется своё, личное.

Мне думается, что первопринцип тому, что Сисоев пошёл по протоптанному пути, завершённое — у него, пожалуй, и не было. Раз уж начал — доделано, он забыл о том, что требуется идти вперёд, что нельзя стоять на месте.

Дипломник Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова Пётр Розин написал картину «Тема жизни». И. Ленин и И. В. Сталин. Развитие без всякой подражательности. Он сумел воплотить на холсте удивительные образы Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича, сумел передать и волею Ленина, направляющего своего любимого человека на руководящее место в революционном движении, и решимость Сталина, понимающего всю историческую важность своей задачи. Картина написана с скромной цветовой гамме. В ней всё просто и безыскусственно, всё направлено на выражение основной идеи — великой встречи двух гениев.

Умение выразить основную идею произведения в ясной, предельно понятной форме характерно и для коллектива — В. Полкова, И. Радомова, Х. Шада — авторов полотна «Восхождение на Эльб». Выступление Поля Робсона в Пиксилье, США). Все элементы картины продиктованы одним — ощущением борьбы Робсона и его товарищей за мир во всём мире. Плотным кольцом окружил Робсона честные аме-

риканцы. Реакция это кольцо — не провать! И необычные динамичные композиции картин и самые лица её героев — всё говорит о силе любви доброй воли, людей, которые есть повсюду, в том числе и в Америке.

Тема борьбы за мир вдохновлена и коллективом херсонских живописцев: В. Витинского, Б. Жукова, Б. Плещина, В. Чернова и Л. Шматко — авторов полотна «Во имя мира» (Подписание договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между Советским Союзом и Китайской народной республикой). Добротная картина. Трудная для исполнения. Молодые художники удачно справились с темой и, главное, сумели избежать официальности, сумели насытить картину атмосферой тёплой дружбы.

В последние годы стало модным коллективное творчество. Пишут картины по нескольку человек сразу. Это имеет свои преимущества: быстрее решается сложная, многофигурная композиция, во время работы есть с кем посоветоваться, нечём ошибиться — тебя остановит товарищ. Но в этом же кроется опасность стирания граней между индивидуальными творческими особенностями каждого из членов коллектива, когда все живописцы сбиваются на нечто среднее, что по творческому влечению не предел. В этом смысле в общем хороша картина Ю. Кутана, В. Немчатова и В. Циплякова «Великий русский писатель». Быть может, это творчество каждого из этой тройки и могу с уверенностью заявить, что в данном полотне они себя не исчерпали.

На выставке есть настоящие пейзажные картины. Кутана у А. Гаврилы бурлит, негодует, бросается рыжими волнами. Тучи низко идут над Жулигами, в просвете их вырывается солнечный луч и высветил в горах светлую, улыбающую полосу. А на другой его картине — тоже Волга. Пополненный зной. Сдаёт корабль — джонка. Идёт у берега. У Л. Басова картина — пожалуй, лучшее — «Края родины», где в раннем вечеру вымывал на небе молодой месяц, при свете его заблестели душевные полевые цветы и засеребрились адалеке лента реки. А тёмный лес уступил, тёмный лес молотом, и ступил из черноты, излучая свет на фоне неба.

Я склонен отнести к пейзажу, к хорошему индустриальному пейзажу картину Михаила Абдуллаева «У нас на юге». Я внимательно слежу за произведениями молодого бакинца. Помимо его хорошего, применительно к пейзажу, «Огни Мингучева». Помимо индустриального пейзажа Абдуллаев показывает и полотно «А. М. Горький в Баку в 1928 году». Интересен образ писателя, с любовью смотрящего на южный город.

Кстати, на выставке спорно, но интересную картину «Пушкин и Бенкендорф». Но вот в это «Первый раз в первый класс» алая шляпка, носки в полосоку, сумка заинтересовали автора почему-то больше, нежели люди. Популилась фальшь, получилась не правда.

Жизненность радеет полотно Андрея Мильникова «На мирных полях». Здесь всё пронизано песней во славу советской жизни, которую лют колхозники. Картина — жизнь, солнца, блеск улыбок, запах травы. Восток творчески перенёс в картину, что пронизано желанием передать радость советского строя. Художник Борис Шербаков был этим летом на Украине, в Ямпольском районе. И там председатель колхоза «Шлах до коммунизма» посоветовал ему написать колхозное изображение, а всё то, что было, земля и сады Украины. «Колхозное изображение» — так и назвал свой превосходный натюрморт Б. Шербаков, где теснятся плоды, овощи и цветы, где живо ощущается богатство колхозной жизни.

Большую карьеру в искусстве художник начал с выставки 1950 года, получив с огромным успехом у зрителя. Я бы назвал её выставкой молодости советского искусства, где молодость счастливо сочетается с творческой зрелостью.

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Разливе.

П. Розин.
Всесоюзная художественная выставка 1950 года

Адмирал Нахимов в Синопе.

Н. Медовиков.
Всесоюзная художественная выставка 1950 года

Песнь мира.

В. Поляков, И. Радоман, Х. Шац.

М. В. Ломоносов — отец русской науки.
А. Васильев.

Колхозное изобилие.

Б. Щербаков.

УЧЕНЫЙ И УЧЕНИК

В январе 1914 года в Институт экспериментальной медицины явился мужчина лет тридцати и спросил Ивана Петровича Павлова. В руке у посетителя была телеграмма, полученная им от великого физиолога. В ней значилось: «Презжайте, я сделаю прибавление каше поленинно».

Послышались быстрые шаги, и смущённый гость увидел того, кого с таким волнением ждал.

— Здравствуйте, Константин Михайлович! — как старому знакомому, пожимал учёный руку приезжему. — Как поживаете? Хорошо ли съездили? Рассказывайте... Что нового в Казани? Говорят, физиологи у вас первоклассные. И вы, верно, такой?

Учёный удык своего нового помощника, Константина Михайловича Быкова, долго водил его по лаборатории, рассказывал о завершённых и незавершённых работах.

— С чего мы начнём? — робко спросил Быков.

— А вы собаку готовыте.

На языке Ивана Петровича Павлова это значило: оперативным путём вывести наружу проток слюнной железы и выработать у животного ряд временных связей...

...Что же творилось в те годы в лаборатории Павлова, чем был занят учёный?

Известно, что не только прикосновение пищи к слизистой оболочке рта вызывает отделение сока желез желудка, но и один только вид или запах её. Павлов решил на опыте убедиться в этом, разрезать процесс своими глазами. Он накладывает собаке фистулу на желудок — открывает окошко к внутренним органам — и одновременно перерезает у животного пищевод. У собаки два окошка для наблюдателя: одно — через фистулу в желудок, другое — в глотательное горло. Животное есть: пища выпадает из пищевода наружу, а из желудочного отверстия между тем обильно изливается сок. Связь между слюнной железой и желудком оказалась очевидной.

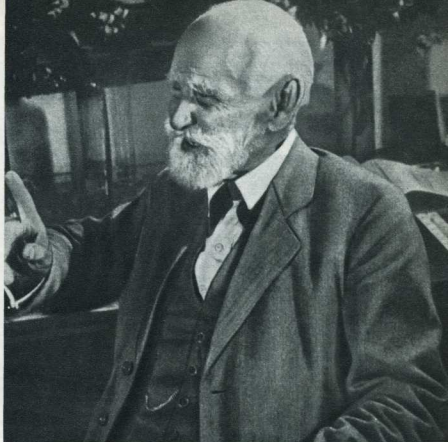
Тот факт, что пища действует на слюнную железу и вызывает слюноотделение даже на расстоянии, заинтересовала учёного. Дальнейшие исследования привели его к необыкновенно важному заключению.

Павлов как-то заметил, что собака обильно роняет слюну, заслышав шага служителя, который её обычно кормит. Человеческие шаги в роли «возбудителя» аппетита — разве это не любопытно?

Итак, решив учёный, врождённая реакция организма, слюноотделение, столь же независимое от воли животного, как деятельность кровеносных сосудов, как биеение сердца, может вступать по временному связи с любым предметом и явлением. Всё что угодно из внешнего мира — звуки, запахи, свет и мрак — будет так же возбуждать слюнную железу, как возбуждает её пища. Единственное условие: и звук, и запах, и свет должны несколько раз совпадать с моментом кормления.

Лауреат Сталинской премии генерал-майор медицинской службы академика К. М. Быков, один из ближайших учеников И. П. Павлова, в своей лаборатории обобщил научным сотрудничеством результаты опыта. Слева направо: лауреат Павловской премии старший научный сотрудник В. С. Шевелев, К. М. Быков, старший научный сотрудник А. В. Соловьёв и аспирант Е. В. Смирнов.

Фото А. Караваева

И. П. Павлов.

Фото Я. Халипа

В лаборатории завелись метрономы, колокольчики, звонки, фистармония, появились цветные лампочки. Эти изысканные предметы несобойного обихода тикали, звонили, издавали музыкальные звуки, испускали блестящим или ярким светом в момент, когда появлялась пища. Казалось, обременённый аккомпанемент собакам глубоко безразличен, — была бы пища обильна! Но однажды, когда метроном, фистармония и лампочки завыли о себе, а корм при этом подан не был, в склянку всё равно обильно пошла слюна. Можно было убедиться, что все эти музыкальные приметы успели сделать своё дело — образовать в мозгу собаки временную связь с приёмом пищи.

Легко представить себе зрелище: собака в станке; слюнная железа её в покое; но вот послышался стук метронома, и животное обернулось к кормушке, точно получило запах еды. Собака облизывается. За сорок пять секунд ушло одиннадцать каплей слюны. На глазах экспериментаторов постороннее для еды раздражение — стук метронома — привело в действие железу, словно то были не звуки и свет, а жирное мясо и ломти хлеба. Это произошло помимо «доброй воли» животного, ибо «доброй воле» собаки не даю управлять слюнной железой.

Этот ответ организма на воздействие извне при определённых условиях был назван условным рефлексом, в отличие от инстинктивных, врождённых реакций — безусловных.

Так, переходя от одного факта к другому, учёный пришёл к заключению, что в руках у него средство задавать вопросы и получать ответы.

Работы над условными рефлексами привели Павлова к изучению неврозов. Творческая идея исследователя раскрыла механизмы и закономерности высшей нервной деятельности животных и заложила тем самым научные основы проблемы законов мышления и поведения человека.

Новый помощник Павлова, познакомившись с работами лаборатории, решил избрать ту область физиологии, где господствует химия. Свои первые опыты Быков начал с изучения мочеотделения у собаки. Вливая животному через прямую кишку воду, экспериментатор наблюдал усиленное выделение мочи. Физиологически это понятно: избыточная жидкость, всасываемая в кровь, разбавляет её, и организм спешит избавиться от лишнего балласта. Но вот учёный вводит воду в прямую кишку и тут же выпускает её. В кровь проникнуть она не успела, а выделение мочи повышается, как если бы вода осталась внутри организма. Похоже на то, что прямая кишка непосредственно связана с почками, механическое раздражение одного вызывает ответ другого.

Быков выдвигает свой опыт. Он вводит животному воду и пускает при этом метроном. После нескольких таких сочетаний вливание жидкости прекращается, а деятельность почек продолжает оставаться повышенной. Удары маятника аппарата действуют теперь на почки мочеточником.

Павлов долго любовался результатами опытов и с воодушевлением сказал своему помощнику:

— Считаю себя счастливым: вы видите явление природы, которого ещё до вас никто не наблюдал.

Опыты были перенесены на пчел. Методы работы мало отличались от методики опытов с мочеотделением. В ану аналари разбавляющую желчь, что приводит обычно к повышенной выработке желчи в печени, и выжидал, когда самая обстановка эксперимента станет усиливать выделение сока.

Два дня собаке вводили желчь. На третий день одна лишь подготовка к вливанью повышала желчеотделение.

Высказанное Павловым соображение, что внутренние органы долж-

ны, как и мозг, образовывать временные связи, легло в основу всех исследований Быкова.

Предметом исследования была селезенка. Этот орган глубоко занимает экспериментатора: выступает ли селезенка во временную связь с внешним миром или, скрытая в недрах организма, она свободна от влияния больших полушарий? Чем регулируется этот аппарат, каково его назначение?

Быков перемещает селезенку со всеми её связями, нервами и кровеносными сосудами на глубины подберёды под кожу животного, исправляет неудобства, создаваемые природой физиологии. Орган выступает, его можно прощупать, увидеть его размеры, наблюдать за его движением.

Опыты обставили со всеми предосторожностями. Мозду собаки закрыли экраном — ни электродами, ни того, как их прикладывает к коже, она не видела. И всё же после ряда электрических ударов одно лишь прикосновение электрода к коже вызывало у собаки движение селезенки. Задача казалась решённой: кора мозга образует временные связи на селезенку, влияет на её деятельность, как и на печень и почку.

Было очевидно, что из органа, формирующего наше сознание, в селезенку и обратно беспрерывно следуют сигналы. Селезенка даёт знать о своём состоянии коре полушарий, откуда идут двигательные импульсы к ней. Быков имел право сказать: «Мне кажется, что объяснить эти факты иначе будет весьма нелегко...»

Поклонами психологов и физиологов, изучая человека и животное, приходило к убеждению, что жизненные процессы строго делится на (соматические) и (непроизвольные) и (подсознательные). Первые подчинены нашей воле и контролю, а вторые протекают вне сферы воли и сознания.

Если кора мозга, орган, с помощью которого мы осознаём внешний мир, подумал Быков, управляет также и внутренним миром, обычно для нас нечувствительным, то как проявляется эта двойственная способность его? Где граница сознательного и подсознательного? Или, может быть, границ этих нет и деление это грубое, не совсем точное? Разве внутренние органы, деятельность которых протекает обычно в сфере подсознания, не становятся чувствительными, доступными сознанию, когда их поражает болезнь? Разве эти страдания не отсылают от нас внешний мир? Страсти и влечения гаснут для большого желудка над печенью. И любовь, музыка, и краски, и цветы — всё, долгие являлось и красное... — тонет в дымке, не достигает сознания большого. В минуту отчаяния, бедствия, опасности, когда все силы направлены к спасению жизни, восприятие внешнего мира падает неравномерно, некоторые впечатления проходят ярко и остро, врезаясь в память на многие годы, а другие словно вытеснены органами иных чувств.

Неужели сознание и то, что принято считать подсознанием, — нераздельное целое, одно и то же явление, различное только по силе? Такое же свойство коры, как возбуждение и торможение? Важные для жизни явления воспринимаются отчётливо и ясно, менее нужные для данного момента идут в подсознание и закрываются занавесом. Прошёл время, изменились отношения организма к внешнему и внутреннему миру, и узникам подсознания откроется выход в сознание: всплывёт вдруг мысль, всплунет идея...

Все эти вопросы настоятельно требовали ответа.

Как вы полагаете, Иван Петрович? — спросил Быков Павлова. — Неужели нет сознания и подсознания, а есть только сильные и слабые восприятия? Кора усиливает и ослабляет сигналы внешнего мира сообразно с потребностями жизни?

— Думаю, что так, — сказал Павлов. — Впрочем, лучше спросите собаку. Слонная железа вам вернее ответит...

Удивительно искренним, предельно живым опочком Быков получил ответ на этот вопрос.

У собаки образовалась временная связь на звуки метронома. Её так долго подкармливали под ритмичное тиканье маятника, что оно вызвало у неё слезоотделение. Животное кормила, сочетая эту процедуру с влиянием в желудок воды. Два сигнала находились в руках экспериментатора: один из внешнего мира — звуки метронома, проникающие через слух в полушария мозга, другой — из внутреннего мира — сигналы из желудка в мозг. Казалось, если пустить оба раздражителя в ход, собака обнаружит подлёгшую готовность есть. Случилось, однако, другое. Орошение желудка и звуки метронома, вызывавшие коррозийные слезоотделение и готовность к еде, привели к ложной односторонней, произошедшей в поведении собаки сумбура. Точно слыша, пришедшие извне и изнутри, аступили в единоразово... Когда сумятица улеглась, снова испробовали оба раздражителя в отдельности. Ввели воду в желудок животного. Ответом было обильное отделение слюны. Зато звуки метронома замучили лишь слезавальным откликом. Голос изнутри заглушил звуковое внешнее мира. Мозг вновь отдавал предпочтение сигналам из внутреннего мира.

Не могло быть сомнений: кора усиливает и ослабляет сигналы внешнего и внутреннего мира сообразно с потребностями жизни.

Можно было подловить тобо.

Кора могла тахотаться под воздействием раздражений, идущих изнутри и извне. С одной стороны, внешний мир с его вечно меняющейся средой и сложной борьбой за существование, с другой — большое хозяйство внутреннего мира. Два ряда устойчивых фактов стоят перед корой, и от того, как решит их, зависит благополучие организма...

«Рефлексом цели» великого русского физиолога было его учение об условных рефлексах, ставшее также целью жизни его ученика. И творческий облик и характер Быкова напоминают нам Павлова. Безудержный, настоятельный, не отступающий ни перед кем, — как похож этот ученик на учителя! Он не так исследовал, как же мало сомневается о самом и учителе. В лаборатории у него идёт большая работа, добыты серьёзные факты, но об этом он говорит как о заслуге Ивана Петровича Павлова.

И Павлов в своё время говорил: «Исключительную точку наших исследований и отношу к 1863 году, к появлению известных очерков Сеченова «Рефлекс головного мозга»...

С каждым днём растёт число коллективных сельских хозяйств в Румынии. На с н и м с торжество по случаю образования коллективного сельского хозяйства имени 9 мая в селе Корбино, Бухарестской области.

В демократической Румынии

Недавно румынский народ торжественно отразил новую третью годовщину со дня провозглашения Народной Республики. За три года своего существования демократическая Румыния, в прошлом разорённая, нищая страна, добилась значительных успехов в развитии народного хозяйства и культуры.

Никогда ещё промышленность Румынии не знала столь высоких темпов развития. Валовая продукция промышленности в прошлом году превысила уровень 1938 года и почти в два раза. Непрерывно растут народные доходы. Проводя подлинную политику мира и дружбы между народами, правительство Румынской республики треть государственного бюджета ассигнует на социально-культурные нужды населения. В стране с каждым днём растёт число школ, больниц, библиотек, школ, театров, строятся новые дома для рабочих; введены стипендии для студентов, обучающихся в высших учебных заведениях; открываются новые парки и стадионы.

Крестьянство Румынии, влечённое ранее нищетой своего существования, становится на социалистический путь ведения хозяйства. В стране создано свыше тысяч коллективных хозяйств, объединяющих более 60 тысяч дворов. Урожай в коллективных хозяйствах в прошлом году был на 33 процента выше, чем до объединения. Многие крестьяне, входившие в артели, получили по 4 и более килограммов пшеницы на трудодень.

Румынская республика приступила к осуществлению 10-летнего плана электрификации страны, который создаст прочную базу для более широкого развития промышленности и сельского хозяйства. В ближайшие годы коллективные сельскохозяйственные артели получат свыше 20 тысяч тракторов и других сельскохозяйственных машин.

Немалою велич трудовым подъёмом среди населения страны. Героически трудятся молдаване. Лучшие строители начала Дунай — Черное море — члены Союза трудящихся молдаване Румынии. Молдаване выступают застрельщиками в создании коллективных хозяйств на селе, в развёртывании соревнования на производстве. Член Союза трудящихся молдаване Опрэ Иоан, из села Косман-Сибру, первый аступил в коллективное хозяйство.

Например уайкс на собой батальон, ранее работавших у помещика, и вскоре на селе создаётся артель по коллективной обработке земли, названная «Красной цепью». В городе Тинишоара неважно создана молдаванская бригада, состоящая из 34 молодых рабочих. Бригады Марин Марку привлекала своих подруг перенять методы работы советской стахановки Лидии Корбелюк-Корбелюк. В течение месяца эта бригада сэкономила государству около 100 тысяч лей. И таким фактом государственного отношения к труду множества в новой, демократической Румынии.

Многие строители демократической Румынии крепят дружбу с советской молодёжью, берут с неё пример в своей жизни и работе.

И. ГОЛОМАН

«Слава Сталину!» Эти слова, полные сердечной признательности румынского народа к вождю всех трудящихся И. В. Сталину, составили во время сдачи норм на значок «ГТО» учащиеся спортивной технической школы в Бухаресте.

Тонярь Галия Александру, награжденный орденом Труда II степени, передает свой опыт молодым рабочим завода «Красное знамя» в Араде.

Молодые рабочие завода электромоторов «Динамо» в Бухаресте обучаются обращению с советскими машинами.

Студенческое общежитие № 1 в Бухаресте.

Заместитель председателя Совета министров и министр иностранных дел Анна Паувер и заместитель председателя Совета министров и министр внутренних дел Теохари Днеорднеску среди детей.

В Ставропольском сельскохозяйственном институте уже много лет работает студенческое научное общество. Интересные изыскания ведутся в фармакологическом кружке под руководством профессора С. Г. Сидорова.

На кафедру фармакологии был доставлен образец травы, которая при сжигании жёлтым выжигала отравление. Оказалось, что это являющаяся горная. Над исследованием ядовитых свойств железницы работает студент Игорь Сидоров.

Под руководством доцента В. В. Смирнинского на ставропольском оплодотворении поле многолетних культур вот уже несколько лет ведут наблюдения и опыты студенты ботанико-физиологического кружка. Труды студентов Зинаиды Папиной, Николая Неменцева и многих других были напечатаны в сборнике.

На снимке: студент ветеринарного факультета, член студенческого научного общества Ставропольского сельскохозяйственного института М. Гусakov в лаборатории.

Фото А. Кобозева

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ О РАБОТЕ СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Уже несколько лет существуют во многих вузах страны студенческие научные общества (СНО). С каждым годом всё больше и больше студентов берётся за научно-исследовательскую работу. Да это и не удивительно: важность существования СНО подчёркивают и наглядно показывают сама жизнь, успехи работы общества.

Каждый успешный студент, стремящийся к углублению своих знаний, может найти в СНО — в большинстве случаев находит — возможности для плодотворной работы. Ему предоставляются необходимые литература, консультации специалистов, лабораторная и заводская базы.

За последние два года значительно увеличилось число студентов, занимающихся научной работой: в Московском высшем техническом училище имени Баумана и Строительном институте Моссовета, например, — почти в 2 раза, в Московском полиграфическом институте — в 2,5 раза. Общества и отдельные члены их на деле доказали, что они способны решать серьёзные вопросы науки и производства.

Студент Полиграфического института В. Самойлов помог несколькими титрами выдёрнуть специальные резцы для обработки стереофильмов. Студенты МВТУ Г. Баладин и Л. Борисов предложили заводу имени Войкова рационализировать путь радиаторов центрального отопления, что сунт заводу 200 тысяч рублей экономии в год. Внедрение в производство предложений, вынесенных студентами МВТУ за последние полтора — два года, даст экономике свыше 1 миллиона рублей в год. Показателем ценностности работы является и тот факт, что студенты МВТУ имеют более 50 авторских свидетельств.

Большую работу проводят студенты по популяризации научных и технических знаний.

Многие профессора и преподаватели наших вузов не жалуют ни сил, ни времени для того, чтобы сделать научную работу студентов интересной и полезной. Но есть ещё, к сожалению, преподаватели, которые относятся к деятельности научных кружков равнодушно и формально.

Первые навыки самостоятельной работы над книгой, с приборами и аппаратами дают занятия в студенческих научных кружках при обще-технических кафедрах. Однако как раз общетехнические кафедры и вызывают большинство нареканий со стороны СНО и дирекций вузов. Залогом увлекательных занятий в кружках, а значит, и успешной учёбы является вовлечение студентов в научную работу с первого курса (шестое семестр). Однако хронически, из года в год, кафедры упускают этот важный момент и организуют кружки с запозданием на два месяца. Так развивается о стону безразличия активность первокурсников. Единственным препятствием для работы студентов является то, что кафедры, заранее не подготовившись, часто не могут принять всех желающих.

Студенческое научное общество — добровольная организация. Главный стимул для студента, работающего в научных кружках, — интерес. Никакими административными мерами не подменить этого стимула. Вызвать же интерес к научной работе может только преподаватель, наделённый любовью относящийся к стремлениям студентов. Оторванность тематики от запросов народного хозяйства служит частной причиной отказа студентов от участия в работе СНО. Нередко разработанные тематика страдает существенными недостатками: не подчёркивается важность, актуальность и перспективность данной работы, не указывается направление, по которому должно вестись исследование, не указываются литература.

Мы считаем наиболее правильным применять предложенный студенческим научно-техническим обществом МВТУ циклический метод работы, который использует активность первокурсников и направляет их на верный путь. Метод организации циклической работы состоит из трёх этапов.

Студенты, пришедшие на специальную кафедру, знакомятся со своей будущей специальностью и с помощью преподавателя избирают область дальнейшей работы.

После получения необходимых знаний на младших курсах кругозор студентов значительно расширяется, а также накапливается опыт работы в кружках при общетехнических кафедрах.

Вернувшись на специальную кафедру, студенты, на основе накопленных знаний и опыта, переходят к расчётам и конструированию и зачастую превращают свои идеи в жизнь.

Первые опыты осуществления этого плана дали положительные результаты.

Однако если начальный этап проходит сравнительно успешно, то на последующем встречается известные трудности. В МВТУ имени Баумана, Строительном институте Моссовета, Полиграфическом институте профессора и преподаватели слабо используют лекции и семинары для популяризации научных студенческих работ. Они порой перекладывают всю организационную работу на плечи студентов СНО. Не используются ни институтская библиотечная сеть, ни специализированные издания, между тем они могут и должны стать мощным средством пропаганды научной работы студентов.

Часто, когда студент начинает работать в кружках при специальных кафедрах, возникает серьёзное препятствие — чрезмерная перегруженность студентов, возросшая нагрузка, из-за чего научное руководство тематикой иногда поручается малолетним инженерам.

Осуществить целенаправленный двухгодичный план можно только при всемерном участии и помощи научных руководителей. Научный руководитель должен быть воспитателем студентов в нести свои обязанности не как общественную нагрузку, а как важный элемент педагогической работы.

Необходимо наладить творческое прохождение производственной практики, чтобы ни одна группа студентов не вернулась в институт, не оказав помощи заводу, производству. Руководителям производственной практики следует заранее подготавливать темы для научной работы студентов во время практики.

Успехи студенческих научных обществ в значительной мере зависят от того, какое внимание уделяют им Учёные советы институтов. Учёным советам Полиграфического института, например, до последнего времени вопросы работы СНО не обсуждались вообще. Контроль за выполнением решений Учёных советов по работе общества носит случайный, несистематический характер, что приводит к невыполнению этих решений кафедрами.

Отсутствие единого и повсеместного руководства, а также единого руководящего центра ставят СНО в неопределённое положение. Одни СНО связаны с Министерством высшего образования, другие — с обкомом и райкомом. Да и то, если внимательно рассмотреть связь с министерством, то окажется, что это всего лишь тонкая ниточка, которая связывается только перед городским смотром и рвётся через 2—4 месяца. В остальное время общества предоставляются самим себе.

Всесоюзное совещание председателей советов студенческих научных обществ, прошедшее в начале 1950 года, оставило у большинства нелюбопытное впечатление, ибо не дало ответа на волнующие вопросы. Впрочем, другого и ожидать нельзя было, так как совещание не было должным образом подготовлено.

Нужно прежде всего правильно понять основные задачи СНО, установить наиболее целесообразные формы и методы их работы. В этом должны принять самое непосредственное участие не только активисты СНО, но и комсомольские профсоюзные организации институтов и профессорско-преподавательский состав. Лучшим средством для этого бы выработана Министерством высшего образования с участием представителей институтов методическая инструкция, которая общими бы был опыт лучших.

Председатели советов студенческих научных обществ:

Н. ЛЬВОВ,

МВТУ имени Баумана;

В. ЭПШТЕЙН,

Московский полиграфический институт;

Г. ПОГРЕБНИНСКИЙ,

Строительный институт Моссовета.

ЩЕДРИН СЕГОДНЯ

Рисунки Н. Лиса

Оратор из Вашингтона

«...Наскоро закончил свой доклад так: «по-сему я полагаю разделить сих людей на три категории: первую — разорить, вторую — расточить, третью — выдервать при полиции, водворить в места нинительства под строгий надзор».

(«Властомерные речи»)

Шумахер

«Это от прошлого либерального паскудства осталось...»

(«Современная идиллия»)

Трюмье Ли

«— А я все-таки барскую ласку помню... шью, бывало, месец, и два, и три, спины не разгибаю, покада весь день на обощию».

(«Мелочи жизни»)

СКАМЬЯ
ПОДСАДИМЫХ

Поджигатели войны

«Вообще у них есть фаталистическая наклонность обратить мир в пустыню и совершенное непонимание тех последствий, которые может повлечь за собою подобное административное мероприятие».

(«Помпадур и помпадурши»)

Макартур в море

«Они исполнили только ту половину своей предполагаемой задачи, которую они действительно способны — исполнить, то-есть согнать, разрушить, разорить, и затем пошли дальше и дальше, покада им не сказали: довольно!».

(«Письма о провинции»)

Бевин

«Он до того смирел, что лишь с трудом понимал, какие иде — либеральные и какие — консервативные».

(«Помпадур и помпадурши»)

Остин в ООН

«А программа наша вот такая. Чтобы мы, мерзавцы, говорили, а прочие чтобы молчали. Чтобы наши, мерзавцы, затеи и предложения принимались немедленно, а прочие нежелания чтобы оставались без рассмотрения. Чтобы об нас, об мерзавцах, нинто слова сказали, не свои, а мои, мерзавцы, о ном вздуемае, что хотия, те и лави».

(«Современная идиллия»)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Юлиус Фучник.

С имени Юлиуса Фучника — легендарного героя чехословацкого народа — открывается список лауреатов Международной премии мира.

Широкое круги советской молодежи узнали Фучника после появления в русском переводе его «Слова перед казнью» и сразу прониклись чувством величайшего уважения к нему. Теперь, когда вышла книга избранных произведений Фучника, образ чешского коммуниста, пламенного патриота встает перед нами во весь свой исполинский рост.

Сильную и увлекательную книгу Фучника нельзя пересказать. Здесь каждая строка весома. Эту книгу нужно прочесть каждому, кто хочет знать, что такое мужество и идейной борьбе, любовь к людям, кто хочет знать, что такое верность коммунизму и готовность к самопожертвованию во имя коммунизма.

Ю. Фучник дважды приезжал в Советский Союз. Первый раз, в 1930 году, он вынужден был тайно переходить границу, так как чехословацкое правительство Чехословакия отказало ему и другим чехам в рабочей дееспособности, избраным для поездки в СССР, в выездных визах. Фучник знал, что по возвращении из Советского Союза ему грозит тюрьма за нелегальный переход границы. Но он пошел на это. «Поэтому стоит этого?» — восклицает Фучник.

Фучник хотел рассказать своим соотечественникам правду об СССР, вопреки тем гонимым лжи, которыми обильно напичку строку буржуазные писатели. Он стремился «честно нарисовать картину труда советских людей». «Я знаю», — писал Ю. Фучник, — как подвигается такая картина. Это вой раз, что поглотит читателя на перекопке двух дорог, ведущих к двум разным мирам, и на дорожном столбе не писать:

Путь к жизни,
Путь к смерти.

Когда наш Владимир Маяковский побывал в Америке, он, как известно, написал такие строки:

Я стремился
а приехал на 7000 верст вперед,

Эти семь лет великий поэт отсчитывал от начала социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества. Мы вспоминали об этих строках Маяковского, читая Фучника. Когда Фучник возвращался из СССР в буржуазную Чехословакию, он своей возвращение в капиталистический мир считал возвращением в «предисторию».

Юлиус Фучник не уставал разъяснять чехословскому народу, что, только Р. Гуцкель. Юлиус Фучник. Избранные очерки и статьи. Издательство иностранной литературы. 1950.

или по пути СССР, он обретет свой счастье. За пропагандистскую деятельность Фучник по возвращении из Советского Союза был брошен в тюрьму.

Пламенный борец против войны и фашизма, Юлиус Фучник первую свою книгу об СССР назвал так: «О стране, где наша завтра стала уже вчерашним днем».

Вторично Ю. Фучник посетил СССР в 1934 году, на этот раз в качестве корреспондента коммунистической газеты «Руде право». Новые очерки о нашей стране впоследствии были изданы отдельной книгой, посвященной изложению «И страны любовью». Эти очерки и сегодня читаются с большим воодушевлением, ибо Фучник действительно любил советских людей. В письме к своей жене Густине от 6 августа 1935 года он писал:

«Москва сегодня — подлинный центр мира. Здесь сошлись первые главы нашей будущей истории человечества».

Вместе со своей партией Юлиус Фучник в декабре 1938 года вынужден был уйти в подполье. В мрачные годы фашистского нашествия слово Фучника гремит со страниц подпольных коммунистических газет и листовок. Небоязненно приводит слова Фучника, славившие им по повелению нацистского Гитлера на СССР: «22 июня 1941 года в три часа пяти минут началась последняя агония нацистской политики, начались последние дни нацизма».

Нападение Гитлера Фучник рассматривает как поведение азартного игрока, ставящего на карту все. В истории не было «удач», — восклицает Фучник, — эта карта будет битой».

В другой листовке 1941 года Фучник зовет своих соотечественников: «Не будем ждать поражения на войне, будем наносить ему удар за ударом на каждом шагу». Ставляя им, по повелению активных помощников Красной Армии».

Валентинский публицист Юлиус Фучник умел проникновенно говорить и писать о своей партии. Некоторые его листовки 1942 года можно было бы назвать гимном коммунистической партии. Вот в одном особом выпуске «Руде право» он напоминает слова И. В. Сталина о коммунистах, как о людях особого склада. «Дж. — восклицает Фучник, — именно потому, что мы люди!»

С необыкновенной силой логично, страстно, присущей народным вождям, Фучник пишет:

Мы, коммунисты, любим жизнь...
Мы, коммунисты, любим людей...
Мы, коммунисты, любим свободу...

Мы, коммунисты, любим созидательный труд...
Мы, коммунисты, любим народ...
Мы, коммунисты, любим мир...

«Потому мы сравняемся. Сравняемся со всем, что порождает войну».

В 1943 году, 28 марта, из камер № 267 гестапо в Праге был тайно вынесен письмо Юлиуса Фучника к жене. Он писал: «Началась война и началась борьба с крепкими корнями. Эти корни — я и ты. Я решил все, что свет — свет и любовь и хотел бы раскинуться в твои объятия и согреет, как полезный плод. Ну, что ж. На дереве, которое мы, коммунисты, делаем, не появляются молодые побеги и созреют новые плоды».

Резируемая книга содержит четыре раздела: «С открытыми глазами» (статьи и очерки о Советском Союзе); «Под знаменем коммунизма» (политические статьи и листовки); «Статьи и очерки о литературе» и «Последние письма». Предисловие к книге — это письмо к жене. Книга открывается отрывком — из «Слова» — перед нами издается на русском языке Фучником в 1943 году в тюрьме.

П. ТАМИЛИН

Тренер В. Честной с группой молодых конькобежцев отправляется на каток. И вот они, выстроившись гуськом, не спеша идут по ледяной дорожке, оттаивая технику бега.

Фото Г. Борисова

В. ЧЕСТНОЙ,
старший тренер конькобежной школы

КОЛА МОЛОДЫХ КОНЬКОБЕЖЦЕВ

Четыре года назад в городе Калинин была организована спортивная школа молодёжи.

По положению, в школу должны были приниматься лишь спортсмены, уже овладевшие техникой бега и имеющие спортивные разряды. К сожалению, в городе в то время вряд ли можно было насчитать хотя бы пятёрку квалифицированных скоростежков. Тогда мы решили зачислить в школу и молодёжь, сдавшую нормы на значок «ТТО».

Таких нашлось много. Позже, когда окрепли и развинули работу конькобежные секции коллективов физкультуры, мы уже стали устраивать для поступающих специальные приёмные испытания.

Сейчас у нас в школе имеются так называемые «подготовительная группа». Из этой группы, кстати сказать, вышли такие сильные спортсмены, как Юрий Михайлов, Юрий Богданов, Аркадий Елизаров, Юрий Лобанов и другие.

Помимо официальной группы мы пополняем свою школу ещё и другими путями. Я с группой моих учеников, например, в воскресный день отправляюсь на каток, — там мы внимательно присматриваемся к катающим, подбираем будущих учеников.

Я непременно бываю на всех соревнованиях. Таким образом мне удалось «найти» сразу целую группу конькобежцев, несомненно с большим будущим. Это Валентин Стрোকос, Евгений Болотников, Нонна Блинова, Анатолий Смирнов.

Зимой 1948 года мы проводили свои занятия на стадионе по вечерам, как раз в часы массового катания. И вот я стал замечать, что у некоторых ребят, очень любящих спорт и мечтающих стать настоящим конькобежцем. Я охотно принимал их в школу в подготовительную группу. Это было в феврале. На испытании одна пробежала тогда 500 метров за 83 секунды. А месяц спустя, в марте, её результат равнялся уже 61,7 секунды.

Интересно отметить, что при поступлении в школу Юрий Михайлов пробежал 500 метров за 74,4 секунды. Юрий Богданов — за 68,8 секунды, Валентин Стрোকос — за 72,3 секунды, а теперь все они спортсмены первого разряда.

Всем поступающим в школу мы ставим непереносимое условие: если ты учащийся,— учиись не ниже чем на «четыреки»; если рабочий,— будь передовиком, выполнишь производственное задание.

В работе по специальной подготовке спортсмена-конькобежца мы добиваемся всестороннего физического развития. Тренировка ведется круглый год. Весной и летом главное внимание и обилие на физическую подготовку, осенью — на имитацию движений. Это помогает осваивать технику бега. Как только наступают морозы, мы выходим на лёд. Теперь в центре наших занятий шайфовая техника. Затем начинается дистанционная тренировка. В этот период готовится конькобежец-многоборец. Значительное место в программе отводится выработке чувства темпа и ритма.

По мере роста общефизической подготовки расширяется и объём работы. Если сначала мы занимались на основе нормативов «ГО» 1-й степени, то в следующем сезоне переходили уже на нормативы «ГО» 2-й степени.

Одни успевают больше, другие меньше. Есть и такие, что топчутся на месте. Таких мы вовсе отчисляем из школы, и не потому, что они недостаточно талантливы, а из-за их лени, нежелания работать.

Таких, к счастью, было очень немного: всего два или три человека. И всё же я считал и себя в какой-то мере виноватым, что так случилось: видимо, мы не сумели заинтересовать юношу или девушку, не пришли вовремя на помощь. Ведь были случаи, когда ученик пропуская уроки, плохо занимаясь, но сговорившись с преподавателем, мог своевременно вернуться в школу. Так было, например, с Евгением Болотниковым.

На основе своего опыта я всё больше и больше убеждаюсь, что нет учеников «статистичных» и «бескажливых». Такое деление в корне неправоподобно, порочное.

Приведу простой пример. Юрий Михайлов целую зиму занимался в школе и никак не мог пробегать 500 метров меньше чем за 60 секунд. Я с ним продолжал усердно заниматься и летом и осенью, старался повысить его технику, а зимой, на льду, добивался поставления сильного толчка. На первых же соревнованиях Юрий хорошо пробежал полкилометра и был зачислен в состав сборной команды страны. Вот тогда начались разговоры, что у него талант. Одни приписывали мастер по конькам скалаз Меньшовой, что у неё «сроднившаяся» низкая посадка. Мы с ней переглянулись и едва не рассмеялись: истинный «секрет» успеха Меньшовой в том, что она очень много тренируется по выработке правильной низкой посадки. Все мои воспитанники по-настоящему увлечены конькобежным спортом. В нынешнем сезоне мы, не дожидаясь открытия катков в городе, сами сделали беговую дорожку на реке Лавра, где и проводили занятия. Сами учащиеся расчищают дорожку от снега, сами поливают лёд.

Свою основную задачу тренера я вижу в выполнении обязательств, взятых моими учениками.

г. Калинин.

По железной дороге, проложенной в горах, медленно движется поезд к станции Бакуриани. Фото Д. Шоломовича

С ВЕРШИН КОХТЫ

От Воркова, популярного грузинского курорта, маленький, словно игрушечный, четырёхколёсный поезд по крутым уступам медленно набирает высоту. Путь, вырубленный по склону горы, в непроходимом лесном массиве, настольно узок, что нетли елей стучат о сиденья вагонов.

Оставив позади 34 километра напряжённого горного пути, поезд делает последнюю остановку. Станция Бакуриани. Высота 1 600 метров. Ещё несколько часов назад мы любовались пышной субтропической растительностью боржомского парка, а сейчас мурчурит от спелости белены снежного покрова. Яркое светит солнце, но на крышах домов и на ветках густых, по-прежнему голубоватых елей лежит снег.

Тут можно увидеть и задорного школьника, ловко скользящего с крутой горы в тонком облаке снежной пыли, и позвольного почтальона в расшитом белыми оленями синем свитере, путешествующего от дома к дому на широконосых прогулоч-

ных лыжах. Для первого лыжи — только развлечение, для второго — средство передвижения, без которого ему не обойтись.

По климатическим условиям и растительности грузинское местечко Бакуриани напоминает прославленный швейцарский курорт Давос. Но здесь длиннее, чем в Давосе, рельеф богаче. Средняя зимняя температура в Бакуриани — два-три градуса ниже нуля. Ветры бывают резкие, воздух сух и чист. Первый снег выпадает обычно в конце октября. В селении он тает быстро, но в нескольких километрах к востоку от последнего бакурианского дома на перевале Цхра-Цхара (2 800 метров), остаётся лежать до середины мая.

Вряд ли есть такое другое место в нашей стране, где можно было бы наблюдать прыжки лыжников с трамплина, лебя на траве и загора на солнце. В Бакуриани утомлённый дальним переходом спортсмен, не сходя с лыж, может уткнуть лыжиды бьющей на расщелины естественной газированной водой — приятной на вкус и освежающей.

По примеру прошлых лет, в нынешнем зимнем сезоне в Бакуриани

собрались сильнейшие лыжники Советского Союза.

Саломисты берут старт на северо-восточном склоне горы Мехти-Мрди. Дистанция размечена флажками. В пути множество препятствий. Москвич Александр Филатов основательно изучил трассу, но перед стартом ещё раз перебирает в памяти наиболее труднопроходимые участки.

Сильный толчок палками, и Филатов стремительно мчится вниз. Короткие, резкие повороты, «шипильки», «змеинки»... И вот он влетает в узкий коридор флажков. Финиш у Филатова лучшее время. Он победитель первых соревнований сезона.

Трасса скоростного спуска проложена на Кохте. Нынешнюю скорость развили москвич Дмитрий Ростовцев и тбилисец Михаил Гава. Заявивший первое место Ростовцев сумел опередить тбилисца на 0,1 секунды. С нового трамплина лучше других прыгнул москвич Виктор Арифанов.

В Бакуриани наступила пора увлекательных соревнований.

Е. Тетрадзе

Один из лучших мастеров горнолыжного спорта москвич Дмитрий Ростовцев на соревнованиях в Бакуриани.

Фото Л. Доренского

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Уважаемая редакция!

Из нашего журнала я узнал о предстоящем совещании молодых писателей, и мы, молодые рабочие, захотелось сказать участникам этого совещания несколько слов.

За последние годы советская литература обогатилась новыми, интересными книгами, которые читают и любят все народ. Однако все же мало хороших произведений о жизни молодого рабочего.

В чем тут дело? Разве у нас нет рабочих, способных вдохновлять писателя или стать героями его произведений?

Всемому ясно, что это не так. Мысленно я перебираю в памяти своих товарищей по заводу. Вот комсомолец Нина Васильева, известная всей страной. Правительство высоко оценило ее труд, наградив ее орденом Ленина. За широкое внедрение в производство новых стахановских методов труда Нине Васильевой присуждена Сталинская премия. Работая на заводе и участвуя в вечерней школе, Нина ведет большую работу как депутат райсовета. Вот молодой товарищ-спортсмен Сергей Вукуев. Непрерывно совершенствуя свое мастерство, он довел свою спортивную резанку до 1 087 метров в минуту. Достигнув успехов, одержав победы, Сергей. Он упорно учится, овладевает передовой технологией и настойчиво ищет новых путей повышения производительности труда.

В дни вахты моря стахановца арматурного цеха Варвара Карпенко, побывавшая на выставке в Ленинграде на сборе спец радиаторов — такела же отечественного подпольного цеха, так красочно подкрепила она свою подпись под Столгольмским скандинавом.

Бригада кузнецов молодого ком-

муниста Василия Коноши из месяца в месяц переплюнывает планы. Несколько раз бригада выходила победительницей в соревнованиях предприятий Министерства автомобильной промышленности СССР. Только за три последних месяца молодые кузнецы сберегли государству 20 тысяч рублей.

Новатор производства Юрий Инфиров вырвал на заводе. Здесь он вступил в комсомол, а затем в партию. Одним из первых он принял свой станок на социалистическую сохранность. Недавно Юрий вторично был избран депутатом Пролетарского районного совета.

Этот список можно было бы продолжить сотнями и тысячами имен молодых заводчиков, отдающих все свои силы на благо любимой Родины. Многие замечательных романов, пьес, поэм можно написать об этих людях, обогативших время, об их работе!

А разве наш завод — исключение? Сколько заводов и шахт, фабрик и железных дорог в нашей необъятной стране! И повсюду жизнь рождает своих героев, покуда молодежь идет в первых рядах строителей нового общества, покуда чудеса трудовой доблести. Как увлекательно и вдохновительно можно рассказать обо всем этом! Можно тем, читая иногда книгу о людях труда, невольно вдумываясь: когда автор говорит о быте или об отходе героев, читать интересно, но как толсто речь заходит про производство, — чувствуешь фальшь и становишься скепсисом. На мой взгляд, это объясняется вовсе не тем, что производств «интеллигентно», а тем, что некоторые наши писатели еще не сумели подняться до настоящего понимания поэзии труда, не почувствовали как следует радость свободного, творческого труда рабоче-

го. А ведь без этого не может быть художественной книги о трудящемся человеке. Ведь об ученых, инженерах, колхозниках, композиторах волнующие произведения создаются сейчас именно потому, что писатели смогли понять главное в жизни своих героев — труд ради великой цели. Таких произведений о молодых рабочих очень мало. Вот отчего, когда мы читаем, некоторые «проникновенные» романы и повести оставляют впечатление надуманности и пошлости.

В заключение хочется сказать молодым писателям:

Ротные друзья! Глубже и внимательнее изучайте нашу прекрасную действительность и самое ценное, что в ней есть, — простоту советского человека. Мы, молодые рабочие, ждем от вас произведений, прославляющих дела наших товарищей. В ваших книгах мы хотим найти ответы на волнующие нас вопросы, мы хотим, чтобы наши книги учили нас жить и работать. Мы ждем от молодых писателей создания таких ярких образов, которые будут помогать нам бороться за мир и счастье людей на земле, подобно тому, как образ Павла Корчагина помогал советскому человеку бороться с фашизмом во время Отечественной войны.

Пусть каждый из нас, выбирая героев для своих произведений, всегда помнит слова Носифа Виссарионовича Сталина: «Рабочие и крестьяне, без шума и треска строющие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни».

Николай СОБОЛИН,
бригадир молодежной бригады
Автомобильного завода имени Сталина

СМЕНА
В номере:

И. Тельман — Сергей Турзо, киноактер.

Александр Красильников — Вступление.

Георгий Гудан — Союз нерушимый.

Юрий Хазаонович — Нам далеко.

А. Одинов — На Урале.

А. Одинов — Комсомольское шествие.

Лев Лукин — У Брода.

Отар Куправа — Шлях к другому свету...

Михаил Кланвидзе — Сам гори.

Е. Пермитин — В горах Сикот-Алиа. Фото В. Прохазкина.

А. Вакинов — Гибель Прованса.

Василий Яковлев — Живопись молодых.

Александр Поповский — Ученый и ученик.

И. Громов — В демократической Румынии.

Первые опыты. О работе студенческих научных обществ.

Н. Райденков — Щедрыне сегоди.

П. Тамилдин — Национальный герой Чехословакии.

В. Частой — Школа молодых комбайнеров.

Е. Тетрадзе — С вершины Кавказа.

Николай Соболин — Чего мы ждем от молодых писателей.

Крессорд.

На первой странице обложки: Учатся техникума Леонид Вабушин готовится к предшественному полету. Фото Г. Воробьева.

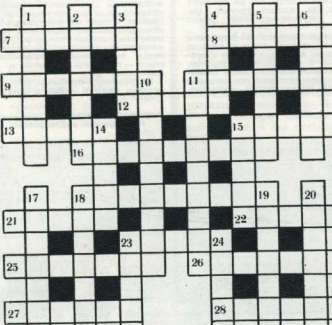
На четвертой странице обложки: На лыжную прогулку. Фото И. Шагина.

Обформление номера В. Урина.

КРОССВОРД

Составил А. Андрюшкин (г. Грязи)

По вертикали:

1. Советский писатель.
2. Река в Забайкалье.
3. Советский поэт.
4. Запас.
5. Специалист в области языка и литературы.
6. Музыкальный инструмент.
7. 10. Коралловодиль.
8. 11. Весовая категория спортсмена.
9. 12. Морской ордан.
10. 13. Железнодорожное подвижное состав.
11. 14. Любое дерево.
12. 15. Португалец.
13. 16. Бонусное звание.
14. 17. Опера для детей композитора.
15. 18. Красная.
16. 19. Аргумент.
17. 20. Прибор для усиления звука.

По горизонтали:

7. Небесное тело.
8. Краситель.
9. Средство связи.
10. Осиная мука.
11. Легендарный русский герой.
12. Река в Африке.
13. 14. Гипу, острое оружие.
14. Возмездие за работу.
15. Волотный газ.
16. 22. Генеральный секретарь узбекского народа.
17. 23. Рабочий в гавани.
18. 24. Сигнальное устройство.
19. 25. Великий русский художник.
20. 26. Краска.
21. 27. Персонаж из оперы «Золушка» за Дунаевым.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 1

По горизонтали:

1. Катков.
2. Орлов.
3. Отрок.
4. Остов.
5. Пушка.
6. Дран.
7. Тост.
8. Голд.
9. Говос.
10. Атлас.
11. Сина.
12. Славя.
13. «Воявода».
14. Никита.
15. Полюшко.
16. «Потомок».
17. Парус.
18. Водопад.
19. Тайна.
20. Таран.
21. Крюк.
22. Цино.
23. Кюра.
24. Арка.
25. Марс.
26. Серина.
27. Неанд.
28. Амбра.
29. Бокан.
30. Занят.

По вертикали:

1. Катод.
2. Кора.
3. Орша.
4. Нерв.
5. Юсть.
6. Сина.
7. Осад.
8. Кросс.
9. Тарасова.
10. Полос.
11. Аорта.
12. Илов.
13. Филл.
14. Домонос.
15. Адвокат.
16. Лапта.
17. Канин.
18. Воронаев.
19. Сит.
20. Атом.
21. Тонус.
22. Наука.
23. Абра.
24. Амава.
25. Ганьма.
26. Варда.
27. Короб.
28. Салют.
29. Орел.
30. Окоз.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Редакция: В. Аваев, Г. Гуля, Е. Домпатовский, Н. Жуков, А. Космадьельский, Г. Кулиж, М. Лукин, Н. Сморodin.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24. Тел. Д-334-24. А-01323. Подписано к печати 26/1 1951 г. Заказ № 90. Тираж 120.000. Изд. № 36.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правда», 24.

НЕВЕСТА ИЗ ТОРЖКА

Слова Льва ОШАНИНА

Музыка Юрия СЛОНОВА

Не затягивая

Пение

Голос

Ф.п.

Голос

не . ту воз ле го . ро . да Торж . ка . Но о мо . ре мож . но ле . том по . меч .

тат ь у ру . чей . ка . Есть не . вес . та мо . ло . да . я в славном го . ро . де Торж .

ке Все меч . та . ет , все стра . да . ет о ге . ро . . е - мо . ря . ке . Все меч .

та . ет , все стра . да . ет о ге . ро . . е - мо . ря . ке . де Торж . ке .

1-3

Для окончания

Говорят, что моря нету
Возле города Торжка.
Но о море можно летом
Помечтать у ручейка.
Есть невеста молодая
В славном городе Торжке.
Всё мечтает, всё страдает
О героев-моряне.

И сбывался мечта однажды:
В клубе города Торжка
Повстречала, увидела
Молодого моряка.
Был он ростом невысокий
И с улыбкую простой.
Был румяный, синенный
И по виду... холостой.

2 раза

С виду был моряк спокоен,
Не сводил с неё он глаз.
Танц любовь пришла и обоим
В первый вечер, в первый раз.
Он признался откровенно
В клубе города Торжка:
«Мне пора идти на сцену,
Я играю моряка».

2 раза

Был он просто бригадиром
Из соседнего села.
Но она уже любила
И раздумать не могла.
И жинаут они, не тунат,
От меня не удалене.
Крепко любят, крепко дружат
В славном городе Торжке.

2 раза

2 раза

